

ПРИШЕЛЕЦ

НАТАЛИ БЛАНШ

Натали Бланш

Пришелец

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бланш Н.

Пришелец / Н. Бланш — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Удивительное - рядом, вокруг, в нас самих и в тех, кого мы любим. Надо только иметь глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать и сердце, чтобы чувствовать. Что же более действительно: "Реальность" или то, что находится "По ту сторону реальности"... читателю предлагается ответить на этот вопрос самому. Роман представляет собой мозаику из произведений разных жанров - стихи, повести, рассказы, зарисовки, письма, сказки - на одну тему: историю взаимоотношений человеческой личности с миром, разворачивающуюся на фоне теперь уже исторических событий, затрагивающую множество аспектов - таких как внутренняя жизнь человеческой души, её законы; многообразие и различия эротического поведения мужчины и женщины; любовь, дружба и тайна их возникновения, религиозные и смысловые поиски... И всё это вписано в сюжет захватывающего повествования, которое затягивает, увлекает читателя так, что он невольно становится одним из участников описываемых событий. А волшебство? Да, есть и волшебство. Хотя самой великой, волшебной и всё преображающей силой является Любовь - сама по себе. Готовы? Удивительное космическое странствие начинается прямо сейчас! Пристегнуть ремни или отправиться в свободное парение... решайте сами!

© Бланш Н.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. НЕЖНЫЙ ЛЁД	7
Планета слёз	7
Гадание	14
Пятый брат	19
Мгновения жизни	52
Soft Ice	57
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Натали Бланш ПРИШЕЛЕЦ

Пришелец аз есмь на земли

Да? Нигде так не написано. Давай напишем о тебе?!

*Всем, кого я встретила и полюбила на дорогах жизни, я
посвящаю эту книгу.*

Часть первая. НЕЖНЫЙ ЛЁД

*Мы – тела двойной души
Мы – душа двойного тела*

*Как вольно дышат небеса над нами,
Прозрачные лучи бросает пламя,
И звёзды покрывают небосвод.*

*Уходит день, приходит ночь, и снова
Светлеет ткань небесного покрова,
И реки устремляются вперёд.*

*Так жизнь души тиха, непостижима,
Неведома, таинственна, незрима,
И лишь когда душа душой любима,
Одна в другую входит —
И поёт.*

*Никто, как я,
Никто так не поймёт
Тебя,
Мой сон,
Мой мир,
Мой Нежный Лёд*

Планета слёз

*Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного...*
И. Бунин

- Какая ночь! Как песня в тишине. Смотри на небо. Говорю стихами, смотри!
- Смотрю.
- Что ты там видишь?
- Звёзды.
- Да, звёзды... В такую ночь мне всегда верится, что там кто-то есть. Ты понимаешь?
- Да-да! Мне тоже этого очень хочется! Мы так одиноки. Мне страшно, что мы не сумеем сами разобраться...
- В чём?
- Мне кажется, что мы похожи на маленьких детей, которым дали слишком диковинную игрушку, и они, желая знать, как она устроена, не придумали ничего лучшего, как сломать её. Ведь так бывает?
- Бывает.

– Ах, если бы нашёлся умный и терпеливый взрослый, который объяснил бы им, что к чему! Тогда бы всё вышло иначе?

– Может быть... Какая ночь, Марта! Мар-та! Когда я произношу твоё имя и вот так, как теперь, близко-близко смотрю в твои глаза, мне кажется, что я где-то уже видел тебя. Ты не помнишь?

– Нет, Сергей.

– Вспомни, Марта, вспомни!

– Вспомнила! – воскликнула Марта, – мне же давно пора быть дома! Ой, что будет! Прости, Серёжка, я исчезаю...

Каблучки звонко застучали по асфальту. Лёгкая тень девушки переметнулась через дорогу, скользнула в тёмный двор. Жалобно скрипнула калитка.

Сергей подкинул монетку.

– Орёл!

– Решка... – раздалось рядом.

Звёзды столпились над землёй...

ДОМОЙ! К ОТЦУ! НАМ НАДО УСПЕТЬ!

Ярко вспыхнувший луч прожектора осветил огромное пространство космодрома и выхватил из темноты две крохотные бегущие фигурки. Впереди тускло отсвечивал голубоватым светом гигантский конус звездолёта.

Марта глянула под ноги и ужаснулась – под ними бушевала морская пучина, но девушки скользили по ней легко и стремительно, как по стеклу. «Невероятно!» – вспыхнуло в мозгу, но спутница увлекла её к жёлтому прямоугольнику двери, где неподвижно стоял человек в серебристом комбинезоне.

– Я не могу вас взять, – сказал капитан. – Корабль принадлежит не мне.

Голос его был бесстрастен, а взгляд неумолим. Но спутница Марты не сдавалась – она так настойчиво и жалобно просила взять их, что могла бы смягчить даже гору. Марта молчала и во все глаза смотрела на капитана. «Это же Сергей! Почему он нас не узнаёт?»

Капитан был молод и согласился.

– Хорошо, – сказал он. – Я спрячу вас там, где никто не сможет вас найти. Но дайте слово, что не выйдете оттуда.

Дверь сама собой сомкнулась за их спинами, и девушки следом за капитаном стали спускаться вниз по крутой, похожей на пожарную, лестнице.

Марта представила себе, что они уже под водой, ей даже почудилось, что она слышит сквозь стены угрожающий рокот, и она вздрогнула. Капитан подал ей руку.

– Вы сёстры? – спросил он.

Марта взглянула на свою спутницу и рассеянно кивнула.

Они остались одни в круглом тихом помещении без потолка – его заменяли какие-то гибкие переплетающиеся трубы, шнуры, провода, стены же были отделаны металлом, на вид почти не отличающимся от зеркала, но тёплым на ощупь. Круто вверх уходили тонкие ступени лестницы, справа была единственная полупрозрачная дверь, а за ней – темнота, напротив – примерно такого же размера экран, похожий на аквариум, в котором время от времени вспыхивали и гасли голубоватые искры.

Уходя, капитан строго-настрого запретил подходить к двери и экрану, да девушки и сами не решились бы.

После быстрого бега, волнений и физической усталости приятно было, наконец, успокоиться – всё или почти всё – уже позади. Девушек клонило в сон. Устроившись рядом в жёстких креслах, напоминающих раскладушки, они задремали.

Со всех сторон раздавался мерный гул – то усиливающийся, то стихающий, – но девушки быстро привыкли к нему.

Неожиданно к этому монотонному звуку примешался другой – живой и переменчивый. Марта быстро открыла глаза и задохнулась от ужаса: там, где раньше был экран, образовался тёмный колодец коридора, и по нему прямо на девушек неслось громадное животное, по виду напоминавшее собаку. Марта успела заметить белые отточенные клыки и свирепые глазки. Пронзительно закричав, она бросилась в противоположную сторону и побежала, не разбирая дороги. Мелькали лестницы и переходы, абсолютно похожие друг на друга. Но вот что-то матово забелело перед ней, Марта почувствовала лёгкий толчок и внезапно ослепла от нахлынувшего света...

Она сидела на полу у стены (которая пропустив её, встала на место) и в немом изумлении озиралась по сторонам.

Это была просторная прекрасная зала с убранством, какое Марте приходилось видеть только во дворцах или музеях. Марта принялась бродить по комнате, рассматривая тяжёлые зелёного бархата портьеры с вышивкой и золотыми кистями, огромную великолепную кровать под таким же зелёным балдахином, искусную лепку потолков и карнизов, зеркала высотой от пола до потолка. Причудливый, непохожий на электрический, свет заполнял комнату, но источника его Марте обнаружить не удалось. Она была так очарована красивой комнатой и сбита с толку всем происшедшим, что бродила по зале, забыв об осторожности, хотя где-то в глубине души таилось чувство, что это не безопасно, ведь, сама не зная как, она попала в чью-то спальню. Обойдя всю комнату, Марта обнаружила, что из неё нет выхода, а все окна – фальшивые. Оглянувшись в недоумении, она увидела в зеркале своё озадаченное лицо с огромными голубыми глазами и всю свою фигуру, такую неуместную и беззащитную в чужой роскошной комнате, даже новый спортивный костюм не спасал положения.

В то время как Марта рассматривала своё отражение, где-то поблизости послышались голоса, шум приближающейся толпы, музыка и приятный женский смех. Марта метнулась в сторону и притаилась за портьерой.

И вовремя! В щёлочку между портьерами она увидела, как противоположная стена раздвинулась, открывая вход в другую комнату – большую и ярко освещённую. Оттуда с весёлым смехом выпорхнула стайка девушек, одетых в лёгкие одежды. Все они были рослые, стройные, светловолосые, похожие друг на друга, а одинаковые полупрозрачные одежды увеличивали сходство. В центре этого чудесного живого букета неторопливо шагал юноша. В его походке, в каждом жесте и взгляде сквозило величие, он мог бы показаться высокомерным, если бы не ласковое выражение его лица. Юноша был фантастически красив. Он с мягкой властной улыбкой смотрел вокруг, большие лучистые глаза были задумчивы, тёмные кудри были перехвачены тонким обручем. Одет он был в переливающийся костюм, оттенки которого менялись при каждом его движении, с плеч ниспадал длинный плащ, а тонкий стан стягивал широкий пояс, со множеством блестящих бусинок-кнопок. Девушки что-то говорили ему, но Марта не могла понять ни слова. Наконец, юноша остановился посреди комнаты и жестом приказал всем удалиться.

Девушки исчезли, только одна из них задержалась. Марта видела её точёный профиль и кроткий ждущий взгляд. Юноша обнял её, провёл рукой по собранным в причёску волосам и отстранил от себя. Она припала губами к его руке и бесшумно выскользнула. Он же сначала сел, потом откинулся на кровать и закрыл глаза.

Напуганная, удивлённая и ошарашенная всем, что ей довелось пережить, Марта долго не решалась пошевелиться. Но юноша лежал неподвижно, дыхание его было спокойным

и ровным, и Марта решила, что он уснул. Она осторожно выбралась из своего укрытия, сделала несколько крадущихся шагов и, наконец, оказалась у раздвинутой стены, но та вдруг сама собой встала на место, а сзади послышался торжествующий смех.

Марта обернулась – юноша сидел на кровати и смотрел на неё.

– Подойди ко мне, – сказал он негромко; в голосе его было нечто, заставившее Марту повиноваться. Она подошла к нему, только сейчас заметив, что она босая.

Он молча рассматривал девушку.

– Я не знаю тебя. Кто ты?

– Я? – она растерялась. – А мне тут... разрешили!

Разрешать или не разрешать здесь что-либо могу только я, – произнёс он.

– Это ещё почему? – спросила она тоном человека, которому терять нечего, и всё же отчаянно трусая.

– Этот корабль принадлежит мне. На всё здесь моя воля.

– Да? Ладно, – великодушно согласилась она. – Ну, я тогда пошла...

– Ты останешься!

Он опять долго и внимательно рассматривал её – так пристально, что Марта казалась самой себе личинкой под микроскопом.

Вдруг в комнату вбежала та девушка, что оставалась дольше других. Она явно была чем-то напугана. Увидев Марту, девушка замерла на месте.

– Что тебе, Линда? – спросил юноша, опуская глаза.

– Я думала... а откуда эта девушка?

– Не будь слишком любопытна. Ступай.

Линда удалилась, явно желая, но не решаясь что-то сказать. Юноша встал и подошёл к Марте так близко, что у той захватило дух.

– Ты ни на кого не похожа и так странно одета, – проговорил он задумчиво. – Почему? Марта испуганно отступила назад.

– Ты меня боишься?

Низкий бархатный голос обволакивал всё вокруг пеленой, вещи и предметы меняли свои очертания и оказывались совсем не тем, чем были раньше.

– Н-нет, – прошептала Марта.

Он улыбнулся.

– Тогда подойди ко мне ближе.

Марта не шелохнулась. Она и так была слишком близко. Он взял её за руку.

– Пойдём, я покажу тебе что-то. Только сначала тебе надо переодеться.

Он дотронулся до своего пояса, и в спальню вошли две девушки.

– Принесите ей туфли и одежду.

Девушки вернулись, неся маленькие туфельки и лёгкое платье. Юноша кивнул, и девушки приблизились к Марте.

– Нет, нет, я сама! – запротестовала она так громко, что те отшатнулись.

Юноша слегка приподнял брови и улыбнулся, затем перевёл взгляд на девушек, и те удалились.

– Что же ты?

Марта покосилась на него и пробормотала:

– Вы тоже уйдите или хотя бы отвернитесь.

Он широко улыбнулся, лицо его просветлело и сделалось ещё прекраснее, но он не ушёл и не отвернулся, а продолжал с интересом наблюдать за ней.

– Ну, я так не могу, – заявила Марта, одевая только туфли.

Юноша медленно направился к ней. Марта замерла, как маленький зверёк, выжидая, а потом рванулась в сторону, но он крепко схватил её за руку и вернул на место.

– Оставайся так, если хочешь, – сказал он мягко.

Они пошли через яркие многолюдные комнаты – причудливые, как ёлочные игрушки. Все, кто там был, замерли в лёгком поклоне. У Марты от восторга слегка кружилась голова. Ей хотелось петь и веселиться. Сама того не замечая, она забывала всё, что было с ней раньше.

Они вышли в просторное круглое помещение, где не было никого и ничего, кроме толстой колонны, возвышавшейся от пола до потолка. Здесь они остановились.

– Я ждал тебя, – сказал он, слова его звучали как чудесная завораживающая музыка. – Я знал, что когда-нибудь ты появишься, но уже устал верить. Я сам придумал тебя. Может быть, ты мне снишься, но я умею превращать сны в действительность.

С этими словами он коснулся своего пояса, взял Марту за руку, и они шагнули в образовавшуюся в колонне щель. Там было тихо и прохладно.

– Закрой глаза, – шепнул он и опять тронул свой пояс.

Невидимая сила подхватила их и умчала вверх, а когда Марта открыла глаза, вокруг были звёзды.

Они парили легко и свободно, как лунный свет, как звёздная пыль. Он собирал в ладони звёзды и писал ей какие-то чудесные слова. Марта силилась понять, но слова разлетались, как брызги фонтана на ветру. Тогда она сама набирала полные пригоршни звёзд и писала ему слова, полные любви, и какие-то ласковые нежные имена. А вокруг них, в них самих звучала музыка, и голос пел прекрасно и непонятно:

*И снова стоишь ты у края обрыва,
И видишь вокруг бесконечное небо,
И думаешь ты: почему был и не был,
Тот мир, в котором нас нет...*

Свет ударил в глаза. Лёгкий ветер переворачивал страницы толстой книги, и шелест их был единственным звуком, нарушавшим тишину.

«Вот читалась!» – улыбнулась Марта и повернулась к окну, ожидая увидеть знакомый дворик, но за окном стояла чужая лунная ночь – холодная и неподвижная. С тревожным и тоскливым чувством происшедшей катастрофы она огляделась по сторонам и вдруг поняла, что находится в той же самой комнате – его комнате! – откуда они когда-то начали своё шествие. Когда же это было? Где? И куда всё исчезло? Все окна были распахнуты настежь, и ветер, как полноправный хозяин, шарил по всем углам покинутого жилища.

Отложив книгу, Марта в глубокой задумчивости встала и вышла на террасу. Незыблемая тоска сжимала ей сердце, она всё силилась вспомнить, что же произошло – и не могла.

Где ты? Кто ты? Почему ты оставил меня одну?

Нет ответа.

Широкие, будто вырубленные из льда ступени вели вниз, туда, где за грядой унылых скал шумело море. Марта медленно спустилась по ступеням и пошла по дороге, идущей вдоль моря. Длинное лёгкое платье с прозрачным шлейфом почти касалось земли. Тихо позвякивали тяжёлые украшения. Откуда на ней это платье и драгоценности?

Куда она шла, Марта и сама не знала. Сердце её изнывало от непереносимой муки, от невозможности понять, вспомнить что-то важное. Пройдя немного, она остановилась и оглянулась: на высокой скале стоял его покинутый корабль, а над его куполообразной вершиной, точно пропеллер у вертолёт, вращался пучок цветных лучей.

Какое унылое, безлюдное место! Она пошла дальше по дороге, петляющей между скал. Какие-то полузабытые слова и мелодия кружились у неё в голове, но какие это были слова и какая музыка... музыка...

Внезапно несколько тёмных фигур метнулись перед ней, и в тот же миг Марта почувствовала удар в самое сердце. Она тихо опустилась на дорогу, зажав рукой рану, горячую от крови. Она чувствовала, как торопливые руки срывают с неё украшения, но ни крикнуть, ни пошевелиться уже не могла. Широко распахнутыми глазами Марта всматривалась в лица разбойников, ловя последние впечатления от этого мира, как вдруг точно яркая вспышка озарила всё вокруг:

– Это ты!

Грабители отпрянули, а их атаман – её убийца – как подкошенный упал к её ногам.

– Марта! – простонал он. – Марта! Я так искал тебя! Так искал! Куда же ты исчезла, Марточка!?

Она слабо улыбнулась. Прекрасное по-прежнему лицо его исказила гримаса боли, из глаз брызнули слёзы и, вытирая их руками, обагрёнными её кровью, он прошептал:

– Марта, я нашёл тебя. Ты только не уходи, не оставляй меня снова! Ради тебя я пришёл в этот мир. Но эта коварная планета слёз! Я всё забыл! Но теперь! Марта, ты слышишь меня?! Ты помнишь?

– Да, – выдохнула она, устремляя взор к небесам, туда, куда улетаала её душа.

Волны бились о скалы, по ним беззвучно скользили цветные лучи. Три мрачных живых тени, затаившись в щелях скал, с напряжённым удивлением слушали речь своего атамана. «Разве убийцы оплакивают убитых ими? И почему он разговаривает с ней на каком-то непонятном языке?»

А он всё кричал:

– Прости! Прости! Прости! Не покидай меня!

Но та, что могла его понять, уже не слышала, а те, что слышали, не могли понять.

Камешек со звоном ударился в стекло. Марта открыла глаза. Сон? Неужели только сон? Ещё не смея поверить, она подскочила к окошку. В залитом солнцем знакомом дворике под окном стоял Сергей и весело улыбался.

– Это такой сон? – спросила Лена.

– Он мучает меня с двенадцати лет. Я проснулась в тот день и долго не могла прийти в себя: у меня было полнейшее, совершенно непередаваемое ощущение, что я только что откуда-то вернулась, что я на самом деле была где-то, и это не сон. И мне так хотелось знать: где? И кто он? Я пыталась написать стихи, рассказ, чтобы как-то ослабить впечатление, но оно всё не уходит. Я часто думаю об этом, пытаюсь понять... Я тогда провела зимние каникулы у сестры, первый раз ехала одна на поезде и очень боялась проспать свою остановку, так что почти всю ночь я бодрствовала. Вернулась домой в шесть утра и сразу же уснула.

В комнате надолго воцарилось молчание. В большом доме они были сейчас только троём – Лена, Люда и Надя. Все остальные вместе с преподавателем отправились в клуб на дискотеку, за несколько километров от хутора.

За толстыми бревенчатыми стенами бушевала осенняя непогода. За окнами стояла непроглядная тьма. Собравшись у печурки и глядя на таинственное мерцание углей, девушки чувствовали особое расположение друг к другу. Нечто неосознанное, нечто настолько ускользающее, что всё множество названий не в силах передать сути, снизошло на них, объединяя, согревая, успокаивая. Сидя на полу перед раскалённой печкой в чуть освещённом алом полумраке, они точно попали в единое поле чувств, мыслей, настроений – им не хотелось шевелиться, не хотелось говорить, чтобы не нарушать эту особую минуту, подарившую им неземной покой, ощущение торжественности и великого смысла всего существующего, и полную светлую радость.

Лену особенно задел Надин рассказ. Она украдкой смахнула слезу, но она же первая и не выдержала:

– Хорошо сидим. А наши-то, небось, намерзнутся, пока дойдут.

– А мне даже не хочется об этом думать, – произнесла Люда. – Ворвутся, начнут галдеть. Кажется, что время стоит, и мы будем так сидеть, сидеть...

– Пока не состаримся, – прыснула хохотушка Лена. Снова немного помолчали, слушая, как воет ветер в трубе, да тихонько переговариваются в печи угольки.

– Надь, расскажи ещё что-нибудь, – попросила Лена. – Ты так интересно рассказываешь.

– Только не страшное, – вмешалась Люда.

– Ладно, ладно. Что бы вам такое рассказать... А! Расскажу про гадание. Это было года три, наверное, назад, когда я ещё училась в школе, и нас, как сейчас, послали на картошку в ближайший совхоз...

Гадание

*Избави мя от уст пагубного змия,
Зияющего пожрети мя и свести
Во ад жива*

Слухи о бабе Тане ходили по всему городу, что, дескать, живёт в Захонье бабка – гадает хорошо, берёт рубль и всю правду говорит. Надя тоже слышала о ней от своих подружек, но и думать не думала, что когда-нибудь случится так... А так случилось, что в один из октябрьских колхозных дней одноклассницы заговорили о гадалке.

– Мы с Иркой хотим к ней сегодня съездить, – сказала Юля. – Только нам одним страшно.

Слово за слово – и набралась компания в шесть человек: две Иры, Юля, Оля, Наташа и Надя.

Вечером девушки встретились на остановке, как и договорились. Ехали на автобусе, потом долго шли пешком через поле, по прихваченной ранним морозцем дорожке, пока, наконец, впереди не показалась деревенька. Совсем небольшая, пара улиц. Адреса никто не знал, но когда девушки спросили у работавшей в огороде женщины: «Где живёт баба Таня?», та сразу же показала дом.

Всей толпой, робея, вошли они в сени, где высокая крепкая старуха поила молоком двух мужиков. Это и была баба Таня – не старая ещё и совсем не страшная, с белыми волосами, покрытыми платком.

– Погадать? – сразу спросила она.

– Ага.

– А чего спужались? Только не всей гурьбой. Вы две останьтесь – одна тут, на лестнице, посиди, другая пойдём со мной, а остальные пока погуляйте.

– Вот вам и хлеб с маслом, сам пришёл – кивнула она мужикам и вошла в избу.

Первыми отправились закадычные подруги Юля и Ира, которые всю кашу заварили. За ними другая Ира. А потом пришёл и Надин черёд.

С любопытством вошла она в чистую, наполненную незнакомыми запахами комнату, убранную как-то чудно, по старинке, и как будто попала в другой мир: тихо тикали на стене часы с маятником, везде по тумбочкам и столам полно было белых вышитых салфеток, убранство довершали домотканая дорожка на полу и фотографии на стенах.

– Это сыночек мой, погиб в войну...

Эта первая фраза сразу расположила девушку к сидящей напротив женщине, в которой вовсе не было ничего особенного или таинственного. Страх куда-то исчез. Баба Таня взяла в руки карты, попросила: сними так-то и так-то, разложила их на столе и заговорила... Говорила много, но каким-то мудрёным непривычным языком, так что Надя мало что поняла и ничего не запомнила. Собирая карты со стола, баба Таня произнесла, точно подводя итог:

– Да что карты, карты – это так, врут много. Я им не очень верю. Вот рука. Рука – это, доченька, план жизни. Рука не обманет. Тебе раньше гадали-то? Цыганка? Нет, доченька, у цыганок не гадай и у чёрных женщин, у кого волос чёрный, – они счастье отнимают. Да и вообще мой тебе совет: гадай поменьше – так и судьбу прогадать недолго. Правую руку клади-ка сюда.

Надя протянула правую руку ладонью вверх. Баба Таня посмотрела, пощупала.

– Чего рано-то пришла? Я до восемнадцати лет не гадаю, ну, уж ладно, раз приехали.

Нажала возле большого пальца и, присмотревшись, произнесла:

– Дети будут. Чего тебе гадать? Тебе учиться надо. Ты девочка сообразительная, учишься хорошо, но не всё пятёрки, четвёрки тоже попадают. Капризная маленько, забалованная, но ничего, характер потом у тебя поменяется. Обязательно тебе надо учиться дальше... А родители-то у тебя родные?

– Да.

– Оба?

– Мг.

– Чего-то я тут не пойму. Ну, сестра есть, намного тебя постарше будет.

– Ага, – подтвердила Надя, поражённая.

– Сейчас у тебя есть двое, можешь с ними дружить, можешь встречаться, но эти парни – не твои. Своего встретишь неожиданно, ты никогда его раньше не видела, он придет изда- лека. Как будто бы после армии, не знаю. Где-то ты его встретишь лет в девятнадцать.

– Так рано?

– Ну, точно тут не скажешь – девятнадцать, двадцать, двадцать один, где-то в эти годы. Если он сделает тебе предложение, обязательно соглашайся. Не бойся! Это будет хороший человек. Если выйдешь за него, будешь очень хорошо жить, лучше, чем твои родители. Только запомни хорошенько, доченька, это будет не простое предложение, а означающее серьёзные перемены в жизни. Запомни, доча, первое предложение – обязательно соглашайся. Если не выйдешь за него, потом долго не выйдешь замуж. Потом будет ещё предложение – тоже хорошее, но уже не так хорошо, как это.

У бабы Тани были светлые голубые глаза, от неё шёл непривычный запах – точно травы или кореньев, и когда баба Таня наклонялась к девушке, та принималась, стараясь угадать, чем это пахнет, и некоторые слова пропускала мимо ушей. И всё же в этих «если» было что-то тревожащее.

– Сейчас високосный год. В високосный год тебе надо быть осторожной. Никому не верь, не выходи поздно на улицу. Хорошая рука! И жизнь у тебя будет удивлённая.

С этим «удивлённая» Надя вышла на улицу.

– Ну, как, ну, что? Что тебе сказали? – накинулись на неё подруги.

– Что жизнь у меня будет удивлённая.

– Как это «удивлённая»?

– Ну, удивительная, – пояснила Ольга.

Уже стемнело, когда девушки той же дорогой через поле возвращались домой, делясь впечатлениями. Как-то вдруг резко похолодало, по полю гулял порывистый леденящий ветер, трепал полы плащей и волосы, далеко в ночь уносятся приглушённые голоса.

Девочки особенно удивлялись точно угаданным подробностям: у кого сколько сестёр и братьев, у кого отец неродной или не хватает кого-то из родителей. Одной из подружек гадалка точно описала внешность её парня.

Надя плелась сзади и в разговорах не участвовала. Ветер дул прямо в лицо, руки кочене- ли. Её знобило так, точно она внезапно заболела. Она вся сникла, ослабла, хотелось поско- рее оказаться дома, под одеялом в тёплой постели.

Добравшись, наконец, до дома, она чувствовала себя усталой, разбитой и больной. Мама была в командировке, а папа ничего не заметил, ни о чём не спросил. Она выпила горячего чая, всё наскоро записала в дневник и забралась в кровать.

Всю ночь её мучили кошмары: гигантский змей, обитающий во чреве Земли, пресле- довал её в какой-то башне. Надя крохотной точкой убегала от него по винтовой лестнице с этажа на этаж, забираясь всё выше и выше, а змей огромной своей головой пробивал камен- ный пол этажей прямо у неё под ногами. Вот-вот настигнет и проглотит! И неизвестно, сколько будет продолжаться эта гонка, сколько впереди ещё этажей, сколько ещё колец у

змея? Будет ли спасение? Но самое ужасное заключалось в том, что гигантский змей во сне – это её мать.

– С тех пор больше не гадаю.

– А ты веришь ей? Ну, тому, что она сказала? – спросила Лена.

– Понимаешь, совсем недавно я узнала от сестры, что родители ещё до моего рождения чуть не развелись. Уже даже был назначен бракоразводный процесс, но они там снова помирились. И про учёбу, и про характер, и про двух парней, – всё это правильно. Но больше всего меня поразило моё плохое самочувствие после гадания и этот сон. Как будто я вторглась в какую-то опасную область и коснулась чего-то запретного, но реального. Раньше я относилась к гаданию как к какой-то ерунде, а теперь знаю, что это серьёзно. И в самом деле – лучше не гадать. Чему быть, того не миновать. Зачем пытаться узнать будущее? Оно должно быть сокрыто. А то «если, если». Мне не понравилось. Я бы не рискнула повторить.

Опять сделалось тихо. Угли уже догорели. Люда поворошила их кочергой, и комната вновь наполнилась красноватым завораживающим мерцанием, а на бревенчатых стенах заколыхались тёмные тени. В этом полумраке мир казался таинственным и неоднозначным.

– Надь, а ты помнишь, где эта баба Таня живёт?

– Ну... А зачем тебе?

– Погадать бы, – мечтательно произнесла Люда.

...У меня есть цель в жизни и цель эта – ТЫ...

Н***

Конец 1988 года. Из дневника.

У меня сейчас (в перспективе) три определённых желания: устроиться на студию, занять отдельное жильё и найти себе друга – верного и любимого.

Больше всего желаю себе любви!

«Желание исполнится через пять месяцев – когда сойдёт снег, вновь зазеленеют деревья и появятся цветы. Возможно, в этот период вы полюбите человека старше вас. Не следует слишком обнаруживать перед ним свои чувства».

*Через 5 месяцев – **март**. Запомнить.*

Герой фильма попеременно то мужчина, то женщина, иногда – ребёнок в мире взрослых, иногда – два человека, спорящие между собой и расходящиеся в разные стороны. Летаёт. Не такой, как все.

Сны меня ужасно интересуют.

Теперь ещё и с другой точки зрения: По ЛЭП-гипотезе (и по смыслу) выходит, что ничего не материального нет, то есть даже «игра воображения» материализуется.

Любопытно: в снах никогда не видишь своего физического уничтожения, просыпаясь за секунду до того.

Со мной, впрочем, было два раза было – в детстве в меня стрелял немец, я кричала и умирала на снегу. Потом проснулась и сон этот помню. Мне было четыре-пять лет.

Второй раз – зарезал бывший возлюбленный, но во сне оказалось, что я всё только прочитала. Это было классе в шестом, мой самый необычный по силе впечатления сон. Я как будто действительно откуда-то вернулась и долго бродила днём, как потерянная, не могла прийти в себя.

Сон! Я не могу записать.

Я теперь поверила, что жизнь может продолжаться ещё очень долго, и на душе у меня стало светлее. А то, как дамоклов меч, висело надо мной ощущение неминуемого скорого конца – всему, всем. Человеку нужен смысл, ибо так устроена вселенная – в нём и вне его. Смысл – это ключ. Но всё-таки – всегда... бесконечно...

Ничего не чувствую, что будет потом. Иногда страшно, весело. Ничего, посмотрим. Не в первый раз. Правда, тогда меня грело сознание, что я еду к Ирочке. Странно, что я её иногда ощущаю как бы частью себя. Я всё равно временами выпадаю из реальности, но теперь не думаю, что это непременно плохо.

Мне понравилась идея Вернадского, что природа – нравственна, а человек – носитель и выразитель этой нравственности.

Прошлый год заканчивался чтением Джейн Эйр. В этом – смотрела фильм.

Мне сейчас тяжело. Зачем тогда Бог создал меня женщиной? Я не могу жить без любви. Я не хочу многих, я хочу одного, но такого, чтобы всё во мне тянулось к нему и отзывалось. Я хочу любить. Я не могу больше так! Всё это в некоторой степени приятно и необременительно, но это ненастоящее, это не жизнь, а лишь иллюзия жизни. Как хочется подлинного, настоящего. Когда я любила В., я уже чувствовала, что на ещё одну такую вспышку скоро хватит сил. Прошло почти семь лет! Я знаю, чего прошу. Мне сейчас так тяжело, так пусто. У меня никого нет. Божже, пошли мне любовь!

Я знаю, что прошу страшного. Я знаю, что всё настоящее оплачивается громадной ценой. Нет, я хочу не долго жить, но полно. Я и сейчас мучаюсь, так лучше мучиться, любя!

Я не знаю, почему «Джейн Эйр» так меня волнует. Я чувствую непреодолимую потребность читать и думать. Мне хочется – до ломоты в висках – какого-то иного света, идущего оттуда. Я сейчас как человек, которому не хватает воздуха.

Всё это довольно странно. Фильмы о страстной любви всегда действовали на меня, но не так, не в такой степени. Возможно, я в чём-то отождествляю себя с Джейн, и мне хочется своего Рочестера. Надежда – Джейн... Даже имена созвучны. А его звали Эдвард.

Там совсем иной ритм, иное течение времени. Чем-то по атмосфере, по тому мучительному сладкому удушью и попытке вспомнить, ощутить нечто, теперешнее моё состояние напоминает тот мой давний сон о полёте и космическом корабле.

Без чувств, без любви я не могу. Я задыхаюсь. Как мало значат мимолётности, не нужно их! Вернее, что значат они, что значит всё, всё, всё – без любви?!

Я очень хочу побывать в Англии, там, где жила Шарлотта Бронте и её герои. Я чувствую в ней что-то очень душевно близкое, хотя она прямолинейна и рассудительна.

«Так пролетели октябрь, ноябрь и декабрь. Однажды в январе...» Я прямо-таки вижу эту пустынную, скованную льдом дорогу, быстро приближающиеся зимние сумерки, пейзаж, залитый лунным светом... Как будто я тоже была там.

«Вы ушиблись, сэр?»

Нет, я не понимаю. Грусть не проходит, а наоборот – резко усиливается. Вчера ещё такой щемящей грусти не было. Когда я принимаю во внимание доводы моей логики, мне кажется, я права. Но не подчиняющиеся контролю чувства чаще сильнее мысли. Этот поток смывает все ограничительные столбы. Больше всего меня гнетут сомнения: права ли я, что уезжаю? Нужно ли это?

Готова ли я к слишком большим испытаниям? К испытаниям вообще?

Здесь я буксую по всем параметрам, во всех направлениях. А Киев, в любом случае, какой-никакой, а жизненный опыт.

Всё же жаль, что я ничего пока не вижу впереди.

В данный момент я уже во власти обстоятельств – билет, выписка, увольнение с работы.

Что ж, ставки сделаны.

Господи, помоги!

Пятый брат

Don't my mind, baby!

– Женщина с родинкой на левой груди... Опасность! Не спеши жениться на ней, сынок!

Моя бабушка, знаменитая на всю Северную Африку знахарка, произнесла это предостережение, когда я был ещё ребёнком, но я твёрдо запомнил её слова – в них таилась угроза. Да, я буду осторожен – ничто не помешает мне выполнить то, зачем я пришёл.

– Берегись женщины с родинкой на левой груди!

Это был красный цвет, сигнал тревоги, который загорался всякий раз, когда я встречал новую женщину. И всякий раз он загорался напрасно. Может быть, поэтому я не мог всерьёз относиться ни к одной из них. Они мелькали, как яркие картинки, похожие одна на другую. Они мне быстро надоедали, даже самые красивые и искусные. Даже Полина... Да, потому что это была *не она*.

1.

Воскресенье. 19 февраля 19** года.

Настоящей зимы не было. Снег падал и тут же таял. В воздухе неуловимо пахло весной. Непонятное беспокойство гнало её из дома – там было тесно, шумно, хотя и весело, без конца звонил телефон, возникали споры. Восемь человек в четырёх комнатах – не разойтись, а ей хотелось покоя. Свободы. И чего-то ещё, чего-то... Хотелось раствориться в шуме улиц, в молчании высоких клёнов в Ботаническом саду, в чирикании воробьёв, в подмигивании светофоров. Её манила неповторимая красота этого города, этого тёплого дня в преддверье весны.

Киев! Она была влюблена в него, и вот ходила, бродила, позабыв обо всех трудностях: просто дышать, просто идти, просто жить...

Воскресенье – и он решил дать себе передышку: сессия позади, все зачёты и экзамены сданы на отлично, а до лета ещё далеко. Можно немного расслабиться, побыть с друзьями, поговорить, послушать музыку, может, услышит какие-нибудь новости из дома – всегда кто-то уезжает и кто-то возвращается. Настроение было отличное. И хотя под ногами хлюпала вода, и кое-где на обочине темнел свалившийся снег, всё равно чувствовалось – весна! Мрачных зимних дней уже не будет.

Людей было немного, а на пяточке между Индустриальным мостом и радиозаводом и вовсе никого. Он повернул за угол...

Она подняла глаза на возникшего вдруг прямо перед ней чернокожего парня. Он тоже смотрел на неё как-то странно. «Наверное, заблудился. Хочет спросить дорогу и не решается. Надо же, чёрный, а такой хорошенький, – быстро промелькнуло в голове. – Ну, спроси, спроси, не бойся!»

И он заговорил:

– Ивинитсе, я ишу КПИ-общ...жите. Ви знаете?

– Да, вы правильно идёте, здесь есть какое-то общежитие, только надо ещё немного пройти вперёд.

– Ви там живёте?

– Нет.

– А где?

– Ну, недалеко, Героев Севастополя. Это две трамвайных остановки.

– Геро... Свес... – попытался повторить он. Вообще говорил он нечётко, с сильным акцентом, она с трудом разбирала слова.

– Ви учитесь университет? – снова спросил он.

– Нет.

– А где?

– Я не учусь.

– Ви рабочий?

Она чувствовала себя довольно глупо, отвечая на его вопросы, проще было бы соврать что-нибудь покороче, но вместо этого она пустилась в подробные объяснения.

– Я не учусь и не работаю – пока. Я приехала и учиться, и работать, но поступать я буду летом во ВГИТИС на режиссёрский факультет, а до этого хочу поработать на киностудии, посмотреть. Но тоже ещё надо подождать. Меня обещали взять на работу в течение месяца.

У него были круглые, как у зверушки из мультфильма, очень забавные глаза. И этими своими забавными глазами внимательно глядя на неё, он вдруг спросил:

– Почему ви так на меня смотрите? Это потому, что я чёрный?

Она и не подозревала, что её глаза, устремлённые на него из-под лисьей, надвинутой на лоб шапки, кажутся ему такими же большими и удивлёнными, как ей – его.

– Нет. Просто...

– Как вас зовут?

«Приехали!» Ей вдруг сделалось досадно.

– Какая разница?

– Что – нет никакой разницу? Если, примерно, встретимся с вами ещё, ми не сможем здороваться.

– Надя.

– Надя. Можно говорить Надежда, да? Можно пригласить вас в кино?

– Нет. Я уже долго иду пешком, теперь я устала и хочу домой.

– Ланна. Ми можем пить кофе, близко, одна остановка.

– Нет, я же вам объясняю...

– Надя, так нехорошо. Ми же познакомились, я вас приглашаю...

Он был очень настойчив, и ей, в конце концов, надоело говорить ему «нет». Кроме того, не хотелось, чтобы у него создалось ложное впечатление о местных девушках. «Он, наверное, здесь недавно. Подумает, что у нас все такие «дикие». Он же не виноват, что ему попала именно я!»

– Надя, я шёл в гости к другу. Он меня ждёт. Теперь надо сказать ему, моя планы поменялся. Одна минута. Ви подождёте?

... Вернулся он быстро, как и обещал. За это время у Нади явилось искушение: бежать! Но она подумала, что это будет выглядеть совсем уж глупо. Они не спеша шли к автобусной остановке.

– Где я мог видеть вас раньше?

– Нигде не могли. Я в Киеве только месяц. Я вас нигде не видела.

– Может быть, ви меня не заметили?

– Нет, не может быть, – отрезала она. – У меня хорошая память на лица.

Выйдя из автобуса, они свернули на какую-то тихую улочку. «Улица Эжена Потье», – прочитала Надя.

– А как вас зовут? – спросила она из вежливости.

– Кидан.

– А, – она кивнула и тотчас забыла. – А откуда вы приехали?

– В ви не можете угадывать?

– Нет, я в нег... некоторых вещах не разбираюсь.

– Я вам немножко объясняюсь. Такой, как я, только четыре страна есть: Кения, Судан, Сомали, Этьопия.

– А вы откуда?

– Этьопия.

«Интересно! С живым эфиопом говорю!» – подумала она.

Они подошли к кафе, расположенному на первом этаже небольшой гостиницы.

– Закрито... – пару минут он постоял на крыльце, а затем снова уверенно зашагал вперёд. Надя пошла рядом.

– Куда мы идём?

Он перешёл через дорогу и приостановился у входа в общежитие.

– Тут живёт один мой земляк. Зайдём?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что мы так не договаривались.

– Ми теперь договаривать...

– Нет, я согласилась только пойти в кафе.

– Но там закрыто!.. Зайдём, ми будем гости.

– Ну, а я не собираюсь идти ни в какие гости!

– Надя, так не надо говорить. Ми будем пить кофе или чай, немножко поговорить, немножко музыка.

– Нет!

Он поднялся на одну ступеньку.

– Зачем ми стоим и спорим? Так не хорошо.

– Нет. Я сказала: только в кафе.

– Но кафе закрыто.

– Вот и хорошо, что закрыто. Я и в кафе не хотела. Я хотела домой и пойду домой.

– Надя! – он внимательно смотрел на неё сверху вниз. – Без человеческой воля, – воля знаете, э? – ничего не случается.

Но он напрасно тратил силы и время. Она даже слушать ничего не хотела. Мало, что навязал знакомство, мало, что уговорил пойти в кафе, теперь ещё и это. Он отчасти понял причину её нежелания – тем лучше. И потихоньку, потихоньку она отступала всё дальше от крыльца. Он сдался и с недовольным видом пошёл за ней.

– Куда ви хотите теперь?

– Домой. Мне надо на 27-й троллейбус.

– Да? Это так и било с самого начала? – в его голосе и глазах читался укор, как будто она его в чём-то обманула. Но Надя не чувствовала за собой никакой вины.

– Да. Я же вам сразу сказала: я много гуляла, устала, я иду домой. Потом я согласилась только зайти в кафе.

– Ува! Кафе било закрыто!

– Ну, закрыто, значит, закрыто!

– Ну, хорошо, – согласился Кидан, точно от него ещё что-то зависело. Надю поразило его упорство. – У вас есть телефон?

– Да.

И пока он записывал её номер в свой блокнот, Надя с любопытством рассматривала его лицо и особенно почему-то его губы – под ровной щёткой усов красиво и чётко очерченные, они были не розового, не красного, а какого-то фиолетового цвета. Она не могла отвести от них глаз.

– Когда ми устретимся? Завтра?

– Нет, только не завтра. У меня есть дела.

– Хорошо. Во вторник.

– Нет, лучше в среду.

– А во вторник?

– Нет, в среду.

– Видите, я хочу быстрее, а вы – нет... Это значит... – но что это значит, он так и не объяснил. И добавил: – Я хочу, чтобы у нас были человеческие отношения.

– А какими они ещё могут быть?

Они добрались до остановки – как раз напротив второй проходной киностудии, и остановились чуть в стороне.

– Что вы будете пить? – и в ответ на её недоумевающий взгляд пояснил: – Какое вино? Я должен покупать.

– Не надо ничего покупать! Я не пью.

– Надя!

«Опять начинается. Ну, и упрямый!»

– Я пью только шампанское.

– Хорошо. Я буду посмотреть шампейн. Я жду вас в среду, в шесть часов, там, где мы встретились сегодня. Только, пожалуйста, не опаздывайте. Сейчас холодно.

– Да. Пока.

– Чао.

Она помахала ему рукой и села в троллейбус, вовсе не уверенная в том, что они ещё когда-нибудь встретятся.

Дома она не сказала о нём ни слова.

Переодевшись и покушав, – «Ист, як котеня!», – не преминула заметить тётя Лида, – она достала с полки том энциклопедии на букву Э и углубилась в чтение.

Вся семья была в сборе – Костик делал уроки, дядя Лёны читал в спальне, бабушка дремала на диване, Сергей разговаривал с женой по телефону, плотно прикрыв дверь, а остальные сидели перед телевизором. Тётя Лида время от времени поглядывала на Надю, задавала обычные вопросы: «Ну, где ходила? Что бачила цикавого? Жене не звонила?» – а та отвечала ей с улыбкой и снова возобновляла чтение.

Хотя сведения об Эфиопии и её жителях были изложены сухим научным языком, Надя рада была узнать хотя бы что-то.

– Хочешь быть сильно умной? – пошутил Саша, сидевший на маленькой табуретке возле её кресла, но Надя не отреагировала – мысли её были далеко. Снова вспомнились его забавные круглые глаза, аккуратно подстриженные усики, но лица его она вспомнить не могла, только отдельные детали облика: рукава куртки, закатанные так, что видна полосатая подкладка, синие полосатые брюки, заправленные в светлые сапожки, кепка, надвинутая на лоб. «Как у Донжуана», – почему-то подумалось ей... и эти его фиолетовые губы!

Её захотелось увидеть всё это вновь.

2.

Надя не солгала, сказав, что в понедельник у неё есть дела – для поступления на работу требовалась медицинская справка. Значит, придётся вставать чуть свет, сдавать анализы, ходить по врачам, стоять в очередях. Она и так долго откладывала эту неприятную процедуру. Поэтому настроение утром в понедельник было отнюдь не блестящим.

Она без труда отыскала нужную поликлинику – в двух шагах от дома, на улице Трудовых Резервов, дождалась открытия вместе с другими «страждущими», и тут её же отпра-

вили платить в ближайшую сберкасса, так как поликлиника оказалась хозрасчетной. Пока нашла сберкасса, пока заполнила бланк и постояла в очереди... К её возвращению под каждым кабинетом образовалась изрядная толпа.

Поликлиника занимала три квартиры на первом этаже обычного пятиэтажного дома. Здесь было пусто и неуютно – голые стены с унылыми рядами стульев, постные лица людей, часами сидящих на этих стульях, запах медикаментов... И в этом месте ей предстояло провести как минимум пару ближайших дней!

Пока ей только удалось сдать анализы.

Самая короткая очередь выстроилась к гинекологу. Надя отважно шагнула за порог и опешила – за столом сидел мужчина средних лет и суровой наружности. Надя робко присела на край стула, а он взял карточку и начал задать вопросы:

– Давно живёте интимной жизнью?

– Вообще нет...

Он поднял глаза от бумаг и уставился на неё осуждающе.

– Что – вообще никогда не были с мужчиной?

– Нет, не была, – ответила девушка и под его удивлённым взглядом почувствовала себя довольно глупо.

– Вам ведь... двадцать лет? – осторожно спросил врач.

Надя кивнула. Теперь он избегал смотреть ей в глаза, и это было совсем уж неловко. Она почувствовала себя какой-то старой девой – усохшей и некрасивой.

– Когда была последняя менструация?

– Вот сейчас... заканчивается.

– А... хорошо... приходите в четверг. Будет принимать женщина.

– До свидания.

– Всего хорошего.

День прошёл почти впустую, а от посещения гинеколога остался очень неприятный осадок.

Во вторник после занятий он зашёл к Менгисту и предупредил, что завтра приведёт девушку. Тот начал было расспрашивать, но Кидан постарался избежать ответа – он почему-то нервничал, не был уверен, что она придёт. И ещё: он никак не мог отделаться от ощущения, что уже где-то видел это лицо и эти голубые вопрошающие глаза, но вспомнить, где именно, – не удавалось. И это угнетало. Интуиция подсказывала ему, что вспомнить – важно, а он привык доверять своему внутреннему голосу.

Два раза в неделю, во вторник и четверг, Надя ездила по утрам на студию, на курсы реквизиторов и костюмеров. По окончании их ей предстояло сдать экзамен и получить разряд. Работу ей обещали в марте, когда начнётся запуск новых картин.

Иногда лекции были интересные – и тогда она усиленно строчила конспекты, а иногда – довольно скучные, и Надя размышляла о своём, разрисовывая обложки тетради. Она всё не могла решить: идти ей завтра на свидание или нет? Она ясно сознавала, что ей хочется снова его увидеть, но в то же время что-то её удерживало. Она приехала в Киев со своими целями, со страстным желанием поступить учиться режиссуре – ей лень было завязывать какие-то «человеческие отношения». Непонятно. Ну, что у них может быть общего? «Даже не знаю, о чём с ним говорить». И ещё: она немного боялась вступать в область неизведанного. Что это за встреча? Зачем ей этот человек? Пока он её совершенно не занимает, он ей абсолютно безразличен, а дальше?... Словом, она никак не могла определиться.

И даже когда наступила среда, ясности не прибавилось.

После долгих и тщательных сборов, Надя стояла у окна, смотрела на огни стадиона и думала: «Идти мне или не идти?» Даже подкинула монетку, но та закатилась куда-то в пыль, под диван, и Надя не стала её отыскивать. Спросить Сашку? Он был дома, уже вернулся с работы. Но несмотря на их близкие дружеские отношения, на существовавшую между ними симпатию и доверие, Надя по странной прихоти не сказала ему ни слова.

Она потихоньку выбралась за дверь, взглянула на ручные часики и решительно отправилась на первое в своей жизни настоящее свидание.

3.

«Хоть бы не пришёл, хоть бы не пришёл», – твердила она про себя, направляясь через подземный переход к условленному месту. Пока это ещё зависит от неё: пойти, остановиться, повернуть назад... В пространстве по другую сторону тоннеля она заметила его ноги. Он тоже увидел её и устремился навстречу. Тяжёлая сумка оттягивала его плечо и там что-то позвякивало. Надя ощутила короткое пожатие тёплой и твёрдой руки.

– Привет! Я уже хотел тебе звонить!

Как и в прошлый раз, они доехали на автобусе до Большевика, но к общежитию пошли другим маршрутом.

– Ми идём в гости мой земляк. Когда я шёл к тебе, там никого не било, сейчас – не знаю. У тебя есть кто-то: брат, сестра?

– Да, сестра.

– Она – старшая?

– Да, у неё уже двое детей. Ей тридцать лет.

– А тебе двадцать... – голос его взмыл вверх, словно ожидая продолжения.

– Просто двадцать. У нас десять лет разницы.

– Да? Она живет, где папа-мама?

– Нет, папа-мама живут в Эстонии, откуда я приехала, а она в Алма-Ате.

– Ты говорила, хочешь учиться, как снимать кино?

– Да.

– Надо иметь специальные таланты, примерно, хорошо рисовать...

– Да, я рисую.

– Всё можешь рисовать? И меня?

– Да, особенно портреты.

За разговорами Надя не заметила, как они оказались возле того самого общежития. На этот раз ему удалось её уговорить – они вошли, сели в лифт, поднялись на 7-й этаж...

Только некоторое время спустя Надя, увлечённая новыми впечатлениями, обнаружила себя сидящей в обществе четырёх незнакомых чёрных парней в незнакомой комнате. Тут же вспомнились рассказы сестры, как у них в институте богатые чернокожие студенты издевались над девушками, – и по спине пробежал неприятный холодок. Она насторожилась. Украдкой взглянула на своего спутника, решая, можно ли ему доверять или уже пора звать на помощь. Без кепки и куртки он казался совсем другим, и она словно впервые его видела. Он сидел от неё справа. А слева – огромный негр, чьи габариты внушали ей самые серьёзные опасения, и когда парень откидывался назад так, что Надя не могла его видеть, душа её уходила в пятки. «Господи, пронеси! Ну, и влипла! Если б я только знала! И зачем я сюда пришла!?»

Ещё раз осмотревшись, она заметила, что окно открыто, а на столе среди прочей утвари лежит огромный нож, – и немного успокоилась.

Хозяин комнаты, напротив, был маленький, чуть выше Нади. Он гостеприимно сновал вокруг стола, накладывая еду в тарелки, откупорил одну из трёх бутылок вина. Он почему-то сразу понравился Наде. Особенно поразили тонкие, хрупкие кисти его рук. Четвёртый – плотный, лысоватый, самый весёлый, – сидел сбоку стола на табуретке и посматривал на Надю с добродушным восхищением. Он что-то сказал Кидану, и они пожали друг другу руки. И это рукопожатие ох как не понравилось девушке. На всякий случай она приготовилась действовать решительно. И как можно быть такой глупой?! Она снова посмотрела на своего приятеля. Его рука мягко, едва касаясь, легла ей на талию.

– А где ты учишься? – спросила она, глядя в его глаза. «И как, бишь, тебя зовут? Ку... Ку... Кунди? Да, кажется, Кунди».

– В сельхозакадемии.

– А какой факультет?

– Агрохимический.

– А на каком курсе?

– На третьем... Пей! Это не шемпейн, но мне сказали, хорошее вино. Шемпейн не биль, я везде искал.

– Сам себе создал проблему. Я же говорила: я не пью.

– Попробовай, это вкусно.

Она немного отпила из своего бокала. Вино показалось ей приятным на вкус, а запах определённо что-то напоминал. Она взглянула на этикетку – «Мадера». И название... ах, да, есть такой остров Мадейра, но это вино вряд ли имеет к нему отношение. Несмотря на её протест, на тарелку ей положили что-то мясное, горячее и страшно наперчённое. Есть, как и пить, совсем не хотелось, но все замерли в ожидании. Она с трудом проглотила кусочек и произнесла:

– Очень вкусно.

Играла музыка и одновременно работал телевизор с приглушённым звуком. Надя с робким любопытством осматривала комнату, остальные ели, пили и непринужденно разговаривали, изредка обращаясь к ней:

– Кушать, пожалуйста... Надя, пей вино, я для тебя покупал.

Она снова пригубила вино и проглотила кусочек мяса. Её высокий сосед встал и вразвалочку направился к двери. Сердце девушки бешено заколотилось. Она едва сдерживалась, чтобы не вскочить и не броситься впереди него наутёк, пока ещё есть возможность. Парень немного постоял у двери, точно дразня, затем что-то сказал Кидану и – вышел. За ним вышли двое остальных.

Надя облегчённо вздохнула, точно гора свалилась с плеч.

По телевизору показывали выпуск новостей.

– Тебе нравится Горбачёв? – спросил Кидан.

Она пожала плечами, потому что политика не была её любимой темой, и начала что-то отвечать, в то время как он взял её руку, развернул ладонью вверх и поднёс к своим губам. Его усы приятно щекотали кожу, но Надя вздрогнула от неожиданности, когда он вдруг прикусил выпуклость под её большим пальцем.

– Wonderful, – произнёс он, проникновенно глядя ей в глаза. И Надя тут же подыграла, смущённо опустив ресницы, хотя на самом деле ничуть не смутилась – теперь, когда они остались одни, и её недавние жуткие опасения развеялись, всё происходящее живо её интересовало. Да, и не мешало бы поточнее знать, что такое это «wonderful», что-то вроде «чудесная». Ей уже казалось неплохой идеей начать своё знакомство со «взрослой жизнью» с таким партнёром – иностранец из слаборазвитой страны, темперамента, наверное, больше, чем ума, ничего не понимающий в их жизни и нравах, с ним она чувствовала себя свободно – он не станет удивляться и осуждать её за то, что она в первое же свидание согласилась остаться

с ним наедине, и не станет делать далеко идущих выводов, какие не преминул бы сделать её соотечественник. И ещё ей казалось очевидным, что в свои двадцать лет нигде пока не работающая, только намеревающаяся получить высшее образование, живущая у родственников на весьма неопределённом положении, она отнюдь не является потенциальной «хорошей парой». А романтические чувства не в моде... Но несмотря на тонкий, скорее защитный налёт цинизма, в глубине души она жаждала любви и верила в неё. Когда-нибудь обязательно произойдёт Встреча... «А я до сих пор даже целоваться не умею, как следует. Надо же когда-нибудь попробовать. Конечно, не очень-то хорошо использовать человека, как живой манекен, но... что он понимает? И какая ему разница?»

В этот момент, Кидан, целовавший её руку, вдруг поднял глаза, и её точно током ударило – показалось, что он без труда прочитал все её мысли.

– Ты хитрая, – негромко заметил он.

– Я?... Нет, – она всё ещё находилась под впечатлением его взгляда – в нём было столько ума и превосходящей силы! И голос – гибкий, завораживающий богатством оттенков и глубиной полутонов. Необычный голос. Да и лицо тоже: узкое, с правильными, пропорциональными чертами, в нём не было ничего дисгармоничного. Вот только в кепке, пожалуй, он нравился ей больше, – трудно было привыкнуть к его причёске, этому обилию кудрявой растительности, шапкой стоявшей вокруг головы.

– Надя, пей, почему ты не пьёшь?

Он сам поднёс бокал к её губам, но она увернулась, и при этом голова её опасно приблизилась к его лицу, точно она пыталась его спровоцировать. Тот час его губы коснулись её волос, от которых исходил нежный аромат.

Может быть, поэтому?

Впоследствии он много раз возвращался в памяти к тому моменту, когда его губы впервые ощутили мягкость её волос, но так и не мог понять: как, почему это произошло, что он вдруг совсем потерял голову, и время перестало существовать? Он словно попал в иное измерение, где не было знакомой до мельчайших подробностей комнаты Менгисту, ни отвлекающих мыслей: что сказать? Как сделать? Это был мир тонких рук, отталкивающих его и тем притягивающих ещё сильнее; рискованных прикосновений, бешеной пульсации крови, жарких объятий, больше похожих на борьбу; мир пушистых волос, её запахов, её кожи, гибкой податливости шеи и хрупкости ключиц, её протестующего взволнованного голоса, её губ! Её губ!.. Никогда в жизни он так не целовал, никогда в жизни он так вдруг не проваливался в сладкую бездну, теряя рассудок, забывая себя самого. Это был взрыв стихии, неподвластной разуму. Это было столкновение мчащихся на полной скорости раскалённых светил.

– Надечка! Надечка! Пожалуйста! Пожалуйста!

Он задыхался – горло сдавило, он едва мог протолкнуть звуки наружу, как во сне. Он был готов задушить её в объятиях, но она ускользала, как змея.

– Другую девушку даже не хочется так обнять. Я так тебя чувствую! Ты подходишь ко мне! Ми подходим друг другу! Сериозно! Я так тебя чувствую! Пожалуйста! Пожалуйста!

Это его «пожалуйста», жалобное и отчаянное, одновременно и смешило, и пугало её. Надя совершенно не разделяла его чувств, но глядя в его перекошенное лицо, чувствуя, как напряжены мышцы его груди и рук, поняла его состояние: шутки плохи, парень вне себя. Она пыталась вырваться на свободу.

– Отпусти меня! Я хочу на улицу! Отпусти!

– Надя, я же сильный, я сильный! Я сильнее тебя! Но я так не хочу!

В какой-то момент ей удалось вырваться из его объятий и отбежать подальше от кровати. Происходящее не было ей неприятно, ей нравились его страсть и сила, его слова, нравилось, когда запустив руку в волосы, он наклонял её голову назад и покрывал поцелуями её шею, плечи, руки. Но о большем пусть и не мечтает! Поэтому кровать казалась ей особенно

опасным местом. Несмотря на то, что это было первое в её жизни свидание и первые настоящие поцелуи, она чувствовала себя уверенно и не боялась, что ситуация может выйти из-под контроля. Ей всегда везло, но это не помешало осознать, что сейчас она ходит по тонкому льду. Интерес к происходящему перешёл в азарт – и не больше. Его волнение её забавляло. И только когда, внезапно оставив её, он опустил на стул и смотрел оттуда потемневшими от гнева глазами, наморщив лоб, ей сделалось страшно: казалось, он замер, как тигр перед прыжком, – вот-вот бросится и разорвёт её на части... Но минута прошла – Кидан совладал с собой, налил себе вина – и застыл, сжав бокал в пальцах. Лицо его сделалось задумчивым. Наблюдая за ним, Надя поняла, что сейчас он где-то далеко и не с ней. «У него было много коротких связей и одна долгая, – внезапно решила она, сама не зная почему, – и сейчас он её вспоминает».

Она была права – он думал о Полине. Где она сейчас – так его любившая, исполнявшая беспрекословно малейшую его прихоть, как волю божества. А эта...

Кидан обернулся, почувствовал на себе её взгляд.

– Что ты стоишь, эре? Садись.

– Я хочу выйти на улицу. У меня голова болит.

– Гарашё... Давай, пей вот это – и выходим!

Он доверху наполнил её бокал.

– Я всё не выпью!

– Хорошо. Пей.

Она заставила себя сделать несколько глотков. И тут же почувствовала, что пьянеет, перед глазами поплыли круги. Он подхватил её и притянул к себе на колени, но она вырвалась.

– Ты сказал: пей и выходим. Где моя шуба? – в голосе послышались истерические нотки. Она направилась к двери, но Кидан опередил её, подхватил на руки, покрывая поцелуями все доступные участки тела.

– Что ты со мной сделала! Завтра за тебя не смогу заниматься!

– Отпусти меня! Это не честно! Я выпила! Ты сказал: пей и выходим. Я хочу на улицу! Мне плохо! Мне плохо!

Она отчаянно билась в его руках. Она кричала и рвалась к двери. Кидан достал из кармана ключ. В глазах его появилась решимость. Даже голос изменился.

– Да? Ты только за этим пила? Чтобы ми выходили?

Ей в самом деле было нехорошо. Совсем непривычная к спиртному, она едва владела собой и чувствовала: ещё немного – и она перестанет соображать. Поэтому она и стремилась немедленно покинуть пределы комнаты, где больше не чувствовала себя в безопасности. Но и Кидан видел, что она на пределе. Совершенно трезвый, только разгорячённый вином, он шёл к своей цели.

– Пей ещё немножко!

– Нет! – она оттолкнула его руку. Вино залило пол и шубу, которую она уже успела надеть.

– Вот, шуба мокрая – всё из-за тебя!

– Не волнуйся!

Он принялся старательно вытирать мех, оттаскивая её подальше от двери.

– Да, а запах?!

Он взял с полки дезодорант и побрызгал на шубу. Теперь он смотрел ей прямо в глаза, ставшие вдруг синими-синими. Щёки её покраснелись, пунцовые губы припухли от поцелуев, пушистые волосы рассыпались по плечам, сливаясь с рыжим мехом. Как он её желал! Ни одна женщина не поднимала в нём такую бурю! Но она продолжала упрямо твердить своё:

– Я хочу на улицу! Я хочу на улицу!

И бегом бросилась к двери, прежде, чем он успел её задержать. Но дверь оказалась уже закрытой.

– Что ты сделал! Открой!!

Она с силой дёрнула за ручку.

– Нет, ты не понял! Это чтобы нам не мешали.

– Я сейчас закричу!

Она была достаточно напугана и пьяна, чтобы исполнить свою угрозу. Но кричать ей не пришлось. Снаружи тихо, но настойчиво постучали.

Обменявшись парой фраз с пришедшим, Кидан открыл дверь, и Надя пулей выскочила в коридор, едва не сбив с ног Менгисту, маленького хозяина комнаты.

Кидан догнал её на лестнице, но упрямая девушка мёртвой хваткой вцепилась в перила. Он попробовал силой оторвать её пальцы, но вдруг рассмеялся и посмотрел на Надю, как на не в меру расшалившегося ребёнка.

– Ты так и пойдёшь, wonderful, без твоя шарф и шапка?

– Принеси мне сюда, я здесь оденусь.

– Надя, так нельзя. Ми же гости. Ми должны сказать: «До свидания». Что он подумает? «Какое мне дело? Сам виноват! Всё равно я его больше никогда не увижу». Но мягкий тон его возымел действие, и вслух она произнесла:

– Ладно, я скажу ему «до свидания», но в комнату заходить не буду!

Они вышли в ночь. Свежий ветер подул в лицо, и Надя почувствовала себя гораздо лучше. Теперь, когда опасность миновала, это короткое приключение казалось ей увлекательным!

Кидан первым нарушил молчание.

– Я не доволен.

– Я не виновата, – беспечно отозвалась она.

– А кто вьюноват?

– Не я.

– Ты считаешь, что права?

– Да, я права.

Он задумался.

– Да, наверное, это так, – и лицо его озарила озорная улыбка. – Когда ты так, мне интересно, серьезно!

Он крепко обнял её, прижал к себе, и с удивлением почувствовал, что её губы охотно отвечают на его поцелуй. На улице Надя чувствовала себя в полной безопасности – почему бы не поучиться?

– На улице ты слюешь меня с интересом.

– Что? Слушаю?

– Се-лю-ешь, – он улыбнулся. Ну и милая же была у него улыбка! Почему-то теперь он казался ей выше ростом и крепче, особенно после того, как в комнате она так явно ощутила его силу.

– Дома папа и мама не разрешают мне пригласить девушку. Они знают, что я взрослый. Не разрешают жениться, как я хочу.

Надя отлично поняла его ход – ишь, какой предусмотрительный! Сразу поставил её в известность об имеющихся ограничениях, но её вовсе не интересовали перспективы – она всё уже решила на его счёт: это была первая и последняя встреча, хорошего – понемножку.

Они снова целовались. Целовались и целовались на каждом шагу, под каждым фонарём и в укромных уголках, совершенно позабыв о времени и об окружающем мире. Наде

нравились его настойчивые горячие губы, и она в своей невинности даже не подозревала, что делают с ним её поцелуи, – ведь в комнате она только оборонялась. Кидан сжал её в объятиях с такой силой, что она едва не задохнулась.

– Я поеду с тобой!

В душе она рассмеялась: «Какой странный!»

– Ко мне нельзя. Дома у меня тётя, дядя, бабушка и четыре брата.

– Я не боюсь твоих братьев! – пылко воскликнул он. – Четыре брата?... Никогда не слышал, чтобы здесь било много детей... Можно, я буду пятым?

Её сместила и озадачивала его горячность. Для неё он был чужим, и она не понимала: да что с ним? Чего он так к ней прилепился?

Наконец, они пришли на остановку, где было ещё довольнолюдно, несмотря на поздний час (стрелка часов приближалась к двенадцати), спрятались за одним из домиков, где днём продавались горячие пирожки, и целовались, целовались, целовались.

– Надя, едем со мной!

Она только смеялась.

– Надечка, ты не человек!! Не хочешь меня? Не хочешь меня?! – «Похоже, он не привык к отказам», – как мне сделать, чтобы ты хотела?

В эти минуты ни он, ни она не понимали, какая пропасть лежит между их ощущениями, восприятием и целями; между его опытностью и её невинностью, между его зрелой страстью и её детским любопытством, между его неукротимым желанием удовлетворить эту страсть и её стремлением, чтобы любопытство не завело слишком далеко; между неожиданным для него самого накалом эмоций и её лёгкой, едва уловимой симпатией с этнографическим оттенком. Поэтому они оба казались друг другу по меньшей мере странными. Надя даже не уверена была в том, что правильно его понимает: неужели он, в самом деле, хочет от неё *этого* и полагает, что *это* могло бы между ними быть?! Если бы она наперёд знала о таких его намерениях – она бы и близко к нему не подошла! Поэтому на его вопрос: «Когда я тебя снова увижу?», она, не задумываясь, выпалила:

– Никогда. Я больше не хочу встречаться.

– Как это?! Почему??? – воскликнул он, окончательно сбитый с толку.

И она ответила простодушно:

– Потому что я ничего к тебе не чувствую.

– Что-о?! Ничего не чувствуешь? – его изумление было натуральным – он даже оттолкнул её от себя в сердцах, но тут же вновь прижал к своей груди. – Как ты тогда можешь?...

И хотя Надя сказала правду, она подумала: «Он прав. В самом деле, нехорошо». И, пытаясь исправить положение, а также щадя его мужское самолюбие, немного подправила свою реплику:

– Ну, не совсем ничего... что-то... но...

– Если так, как сегодня, мне достаточно, – спокойно произнёс он.

И снова эта фраза была понята ею в ином смысле, чем вкладывал в неё Кидан. Она поняла это, как обещание не переходить известных границ – объятия, поцелуи, но не больше – «Так, как сегодня, мне достаточно». И она поспешила поверить этому ею самой придуманному обещанию. Именно такому недоразумению Кидан был обязан тем, что она согласилась встретиться с ним ещё.

4.

Пьяная и от вина, и от счастья, Надя села на троллейбус, идущий в противоположную сторону.

Надо же, первое в жизни настоящее (всё другое не в счёт) свидание – и такое бурное! Даже если при здоровом размышлении она решит больше не встречаться с Кунди, всё равно будет о чём вспомнить.

Целую остановку, прежде чем заметить свою оплошность, она довольно улыбалась, привлекая внимание немногих попутчиков. Её сияющие глаза, кричаще-алый рот, в беспорядке выбившиеся из-под шапки пряди волос будоражили фантазию зрителей. Наверное, поэтому, когда она вышла, чтобы перейти дорогу и пересест на свой троллейбус, какой-то бойкий парень бросился следом, набиваясь в провожатые...

Ей хотелось смеяться и плакать, петь и танцевать. Она не могла удержать бьющую через край радость и непроизвольно вырывающийся смех. Склонив голову набок, она то и дело прыскала в воротник, чтобы не шокировать тех, кому довелось оказаться рядом в этот самый первый вечер её зарождающейся любви.

Господи, что случилось?

Куда исчезло время? Теперь уже час ночи. Ему пришлось брать такси. С ума можно сойти! Его трясло, как в лихорадке, а губы сами собой расплывались в улыбке.

«Нанюхался, что ли? – подумал водитель, наблюдая за странным пассажиром. – А, не моё дело, лишь бы заплатил побольше».

Что случилось?

Он не мог понять – ни в этот миг, ни позже, когда много раз возвращался в воспоминаниях к волшебному, заколдованному вечеру их первой встречи. В его жизни были женщины, было чувство, которое он мог бы назвать любовью, но никогда прежде, – никогда! за это Кидан мог бы поручиться, – он не испытывал такого шквала чувств, обрушившихся вдруг, сразу, лишая возможности рассуждать и трезво воспринимать происходящее. Он даже не подозревал, что игра с женщиной может обладать такой остротой, точно находишься под током высокого напряжения, – ощущение, в котором сладость и мука слились воедино на самом пик человеческих возможностей.

Всю дорогу он грезил наяву, пока таксист не тряхнул его за плечо: «Эй, парень, очнись! Приехали».

«Если бы мне только быть уверенной, что он сдержит своё слово, что не попытается действовать хитростью или силой», – записала Надя наутро в своём дневнике. Ей бы хотелось записать всё, всё, до мельчайших подробностей: как он подхватывал её на руки и медленно спускал вниз по своему телу, чтобы она ощутила всю силу его пробудившейся страсти; как небрежно, играя, запускать руку в волосы; как его тёмная ладонь с плотно сжатыми пальцами упруго касалась её щеки, имитируя удар... В его жестах было столько властности и обаяния, но всё это относилось ещё не к ней. В нём чувствовался опыт быстрого и лёгкого знакомства с женщинами, и все его покровительственные жесты и повадки были оттуда. «А меня ты совсем не знаешь!» Да, ей хотелось бы записать, но она боялась, что бумага покраснеет. К тому же вокруг много любопытных глаз.

Предстоящее свидание и манило, и пугало.

«Кунди... Вот я уже и думаю о нём!»

На лекции она полностью ушла в свои воспоминания и мысли, ничего не видя и не слыша вокруг. Милая, немного задёрганная женщина-художник рассказывала историю костюма. Это была одна из тем, что особенно нравились Наде. Но в этот раз она была точно в трансе: тело покоилось на стуле в тёплой, ярко-освещённой аудитории, а душа бродила по закоулкам вчерашних снов. Ведь это был только сон, не правда ли? Ведь не могли же они наяву, вдруг, ни с того, ни с сего оказаться столь безрассудны? «Надечка! Пожалуйста!

Пожалуйста!» Сейчас, в воспоминаниях, его сдавленный голос и порывистые объятия волновали её гораздо больше, чем тогда. Слегка отодвинув рукав свитера, Надя рассматривала небольшие синяки, оставленные его пальцами на её запястьях, – так крепко он её держал. Да и воротник свитера совсем не случайно был поднят до самого подбородка. Нет, не сон!

В перерыве между двумя лекциями неожиданно появилась Надежда Петровна, отозвала Надю в сторону, где стоял какой-то невысокий черноволосый мужчина.

– Надя, я хочу представить вас. Это Марьян, начальник ЦПС, где вам вскоре предстоит работать. Наш реквизиторный участок относится к этому Цеху – Цеху подготовки съёмок.

– Да-да, нам рассказывали, – кивнула Надя, протягивая руку в ответ на протянутую ей руку.

– А теперь я хочу рассказать вам о том, о чём вам *не* рассказывали, – улыбнулся Марьян. Надя улыбнулась в ответ. Почему-то она всегда безоговорочно нравилась таким южным черноволосым мужчинам. У неё была очень светлая кожа и голубые глаза, но каким-то непонятным шестым чувством они угадывали в ней нечто своё, родственное, и неизменно проникались симпатией. – Вы у нас на студии недавно, ещё не знаете, что за работа вам предстоит. Теория это одно, а практика – совсем другое. Вам много придётся разъезжать с разными людьми по всей стране. Я говорю прямо: надо уметь дать отпор, уметь за себя постоять. Опять же – реквизитор отвечает за материальные ценности. Да. Но и за себя надо уметь постоять. Это понятно?

Она кивнула. Понятно. Отчего же не понять? По этой самой причине Юрий Григорьевич три года назад отказался устраивать её на киностудию в Алма-Ате, хотя она из-за этого специально приехала в столицу Казахстана.

Вечером они с Сашкой отправились на «Ностальгию» Тарковского – далеко, в «Коммунар», но первым трамваем можно было добраться дотуда без пересадки от Отрадного.

Был такой же, как вчера, совсем весенний вечер. Слегка моросил дождик. Но ни по дороге, ни в кино Надя не могла сосредоточиться на настоящем.

– Саш, а что такое wonderful?

– Ну, удивительный, замечательный... А зачем тебе?

– Так. Уточнить хотела.

– Что, с каким-нибудь иностранцем познакомилась?

Надя и виду не подавала, но её удивила Сашкина догадливость, хотя ему вовсе не так уж трудно было связать её возвращение среди ночи, припухшие губы с сегодняшним вопросом. Да и весь её вид – загадочная, погружённая в себя, с вдруг мелькавшей на лице улыбкой... Никакой тебе обычной общительности, весёлых вопросов и подколов. Как уж тут не спросить?

Но ответа не последовало.

После фильма разговор оживился – они долго ждали трамвая и обменивались впечатлениями, которые не совпадали: Саше фильм понравился, а Наде нет. Но коль скоро тема была исчерпана, она снова впала в свой транс, отгородившись от всего мира непроницаемой стеной. Только сердце билось учащённо и шептало с каждым ударом: «Завтра! Завтра!»

Но если он снова попытается... Если ему нужно только это...

5.

Кидан ждал её на прежнем месте. Снова, как в прошлую встречу, энергично пожал руку. На этот раз он был без сумки. И Надя выглядела совсем иначе – не в шубе и лисьей шапке, а куртке небесно-голубого цвета под цвет глаз, красной шапочке с помпоном и такого же цвета шарфе, она казалась совсем девчонкой.

Они поднялись в кафе «Ластивка» на Большевики, и пока Надя с аппетитом уплетала сладкий десерт, Кидан, подперев голову руками, не сводил с неё глаз. Его глаза улыбались и точно ласкали её. Надя пыталась не встречаться с ним взглядом – слишком уж откровенно он любовался ею. Вид из окна – маленький скверик, площадка перед метро, уставленная киосками, с рёвом несущийся мимо поток машин, интерьер кафе и посетители занимали её внимание. Но смущение нарастало. «Зачем так смотреть? Подавиться можно!»

– Сегодня хорошая погода, – сказала она.

– А прошлый раз?

– Ну, тогда было холодно!

– Нам было холёдно? – вкрадчиво спросил он.

Щёки её вспыхнули, и она сочла за благо не отвечать.

– Как ты провела вчерашний день?

– Как провела? Хорошо. Сначала ходила на курсы, вот сюда, на студию, потом вечером с братом в кино... «Ностальгия» Тарковского. Это наш очень известный режиссёр. Он эмигрировал во Францию. Очень скучал по Родине. Снял там два фильма – этот и ещё «Жертвоприношение», я его ещё не видела... И умер.

Он слушал молча, но говорили его глаза. И Наде становилось всё труднее вести себя непринуждённо.

– Пошли!

– Ты ещё хочешь что-то – пить, кушать?

– Нет.

– Тогда пойдём... Сколько лет твоему брату? – спросил он уже на улице.

– Сашке? Как мне, он на полгода старше. День в день. Мы с ним дружим.

– А другие? Ты говорила, четыре? – в его голосе послышалось сомнение.

– Да. Старший Сергей. Он вообще-то здесь не живёт, он уже женился, дочка есть... но у них что-то не ладится с женой. Живут с её родителями, а он такой... неуступчивый. Он служил в Афганистане и вот вернулся совсем другим. Раньше он мне очень нравился, а теперь мы почти не общаемся. Он иногда живёт здесь. Сейчас тоже.

– Сейчас тоже? Сколько лет?

– Двадцать четыре... Потом Вовочка, мой самый любимый братик, он на тётю Лиду похож, а самый младший Костик, он сейчас в пятом классе, а Вовка в восьмом. А сколько тебе лет?

– Ты уже спрашивала.

– Да? Не помню...

– Двадцать шесть.

Он наблюдал за ней с новым интересом: другая одежда – другой человек. Ему с трудом удавалось подавить улыбку: в ней появилось что-то забавное, какое-то озорство и свобода в движениях. Она легко смущалась под его взглядом и снова начинала говорить – первое, что придёт в голову. Она казалась бесхитростной и совсем юной, и он с трудом мог поверить, что это её прошлый раз он добивался с таким рвением, что этими губами он не мог насытиться. Обыкновенная девчонка, каких полным-полно вокруг. Сегодняшний её облик как-то не вязался с тем впечатлением, которое она произвела на него в прошлый раз. Но странное дело: она опять, по-новому, начинала его волновать. Чем ближе они подходили к общежитию, тем быстрее становились его шаги.

Чувства же и мысли его спутницы носили противоположный характер – ей нравилось идти рядом с ним, смотреть на него, разговаривать и совсем не хотелось снова оказаться в комнате. Она понимала, что совершает глупость и мучительно искала какой-нибудь предлог, чтобы избежать этого. Внутри её всё громче звучал голос протеста, оживление понемногу исчезало, а шаги становились всё неувереннее...

На этот раз всё было гораздо хуже.

Он лгал! Конечно же, он лгал! Ну, как она могла так нелепо попасться?

Он и не думал меняться – всё повторилось сначала, только жёстче. В комнате никого не было, Кидан открыл дверь своим ключом, помог ей снять куртку – и с этой минуты ни на шаг не отпускал её от себя. Не слушая никаких возражений, запер дверь, выключил свет. Это было похоже не кошмарный сон... Наконец наступил момент, когда девушка ясно поняла: ещё мгновение – и ситуация будет вне контроля. Кто-то из них сошёл с ума. «Ты сошёл с ума!» – хотела закричать она. Кидан с силой обнял её, его глаза близко смотрели в её глаза – умоляюще и грозно – и в них была такая решимость, что она в самом деле закричала вне себя:

– Пусти меня! Мне жарко!!

Он только смотрел, сжимая её точно в раскалённых тисках.

– Открой окно! Ну, пожалуйста, открой окно! Разве тебе не жарко?!

– Мне жарко, – проговорил он медленно, – но не потому, что окно закрыто.

Всё же её план удался: он выпустил её и шагнул к окну, а Надя бросилась к двери и включила свет. Прохладный ветер, ворвавшийся с улицы, немного остудил обоих.

Кидан перевернул пластинку, и мелодичный сладостный мужской голос запел:

Oh, baby
It isn't always easy
We've been through a few hard times
But when we stick together
There's no mountain we can't climb

With all that we've been through
And everything we've done
Nothing comes between us – we stand as one

United in love – there's nothing we can't rise above
United in love – whatever happens to us
United in love – we'll always be
United in love – so united

And if you reach your hand out
But your dreams just seem too far
Stand upon my shoulders
And you can touch that star
o-oh, baby...

Затем он подошёл к ней – черты лица разгладились, глаза смотрели внимательно и ясно.

– Я с юга, ты с севера, поэтому, да? – спросил он совсем иначе, богатство оттенков придавало его голосу волнующую мягкость. «О, если бы он только говорил!» – Я горячий, а ты – холёдная. Я тебя так чувствую, сам не понимаю! Тыходишь к мне. Да, серьезно, ты такой симпатичный, не толстый. Мне нравится, серьезно. Надя, мы подходим друг другу, – он повторял это, словно заклинание, пытаясь убедить её в том, что казалось ему очевидным. – Мы подходим друг другу.

Ещё прошлый раз, когда он впервые обнял её, ему показалось, что это тело со всеми его изгибами и плавными линиями, как будто специально создано для его рук. Это было странное, пронзительное чувство, но он не знал, как точнее передать его по-русски.

Она осторожно присела на краешек стула. Вот таким он ей очень нравился, а его слова отзывались где-то глубоко, в самой сути её души. Кидан склонился над ней – глаза в глаза, потянулся к губам, но она ловко увернулась. Он сел рядом и попытался пересадить её к себе на колени, ухватившись за карман брюк. Ткань треснула.

– Брюки порвал!

– Извинитесь, – произнёс он с чарующей улыбкой. – Ты сам виноват. Не хочу! Не хочу! Всё – не хочу. Так не нравится. Так не нравится. Скажи мне: как ты хочешь?

– Я хочу на улицу.

– Ува! – только что весёлое лицо его исказилось гневом. – Надя, если ты так, я буду вступать по-другому!

Она вскочила, но он тут же бросился к ней и заключил в объятия, не отпуская. Силы были слишком неравны. Как она раньше не рассмотрела, что он такой рослый (на голову выше) и крепкий. Его плечи, грудь, руки на ощупь были точно из железа. Её глаза сделались круглыми и обиженными, как у ребёнка. Он внутренне усмехнулся: как она может так притворяться? Что-то похожее на сомнение и сочувствие впервые шевельнулось в его душе.

– Эре, что с тобой, успокойся! Ты всё против, эрочка.

– Я не Ирочка! Меня Надей зовут! – возмутилась она, вырываясь.

– Кто сказал Ирочка? Я не так сказал. Эре это по-нашему отрицательная, противная – всё против. Ты что – ни с кем так не касалась?

– Нет!

Он не поверил.

– Давай, снимай вот это, – он взялся рукой за свитер. – Много одежда.

– Нет!

– Надя! Мне так неинтересно, – снова в глазах его зажглись опасные огоньки, лоб собрался гармошкой, а выражение лица было такое, точно он готовился её ударить. Руки его рванули вверх её свитер. Белая детская нагота на миг ослепила его. Нахлынула волна такого дикого необузданного желания, что он должен был на миг закрыть глаза и перевести дух. Она тотчас вернула всё на место. Он уже совладал с собой, но не намерен был отступать. Надя в ужасе почувствовала, как горячие руки проникли под одежду, касались её спины, груди, живота. Он быстро наклонился – и вот уже его губы проделали тот же путь и приникли к крошечному соску.

– Они говорят, что это самое сильное, – произнёс он.

«Боже, что это!?» – она была на грани обморока, но не от восторга, как показалось ему на миг. От лица её отхлынула кровь, и внезапно оно стало совершенно белым, как маска, а взгляд сделался каким-то безразличным, точно говорил: «Делай, что хочешь, мне всё равно».

Она обзывала себя последними словами и с тоской думала только о том, как оказаться на свободе и никогда, больше никогда в жизни не попадаться в такую ловушку. Она обессила от борьбы и шоковых эмоций, не чувствовала ничего, ничего, кроме желания, чтобы всё поскорее закончилось. И в то время как его губы уж не страстно, а вопросительно касались её тела, она смотрела в потолок и думала: «Ладно... потерплю... но больше никогда! Никогда! Никогда!»

В этот раз, идя на свидание, Кидан дал себе слово, что не позволит ей больше себя дурачить, и во что бы то ни стало добьётся её. Но и то, и другое осталось невыполненным. В прошлый раз ему казалось, что перед ним опытная и хитрая кокетка, которая хочет получше заманить его в свои сети... Он долго молча наблюдал, как она пытается привести себя в

порядок. Руки её дрожали, на лице застыло отчуждённое выражение. Она больше не сопротивлялась, когда он попытался помочь ей одеться; ничего не говорила – была похожа на красивую куклу, в которой сломался какой-то важный механизм. Два ярко-алых пятна на бледном лице дополняли сходство. Он ничего не понимал! Весь его предыдущий опыт оказался непригоден; следование советам, почерпнутым из соответствующей литературы, не дало результатов... Скорее наоборот. Он не мог так быстро осознать перемену: перед ним была не расчётливая соблазнительница, а перепуганная девчонка с огромными обиженными глазами. Его нетерпение сменилось каким-то новым чувством, непонятным ему самому: ещё пару минут назад ему казалось, что он не выдержит напряжения, он готов был просто применить силу, – а теперь вдруг ощутил, что готов ждать, да, ждать, только бы не было этого отчуждённого молчания, потухшего взгляда и обиды в голубых – как интересно: голубых! – глазах. Это были ранее неизведанные, тонкие ощущения, в которых он пока не мог разобраться. Странно: рядом с ней он узнавал нечто новое о себе самом, открывал такие черты, о существовании которых даже не подозревал.

На улицу вышли молчаливые и взъерошенные. И опять, как прошлый раз, что-то случилось со временем: ему казалось, они провели в комнате пятнадцать-двадцать минут, а стрелки убежали на несколько часов вперёд. Но теперь он был действительно недоволен.

– Надя, почему это?

– Что ты хочешь от меня?! Как ты не понимаешь: мы только-только познакомились, ничего не знаем друг о друге... Я пытаюсь к тебе относиться как к человеку, а ты...

– А я и есть человек, – в его голосе прозвучал металл, и Наде вдруг вспомнилось: «Это потому, что я чёрный?» Она даже не подумала, что он может понять её *так*.

– Нет, Кунди!! Я хочу сказать, что воспринимаю тебя не просто, ну... как мужчину, а мне интересно знать, какой ты человек, что думаешь, чем интересуешься, что ты чувствуешь.

– А!.. Ти не знаешь?

Она пропустила его реплику мимо ушей.

– Дома у меня был один знакомый парень. Мы вместе учились, занимались в спортивной секции, ездили на соревнования, помогали друг другу, разговаривали... Вот тогда...

– Ти его любишь? Поэтому?

– Нет! Я его совсем не люблю! Не знаю, как тебе объяснить... Ты не понимаешь.

– Надя, ми же молодие! Ми молодие! Зачем всё это одному?... Не думал даже, что так будет, но лучше взять, – он достал из бокового кармана маленький шелестящий пакетик, показал ей и снова спрятал, и хотя она не успела рассмотреть, всё же поняла, что это такое. – Может, ти боишься?... Я – тоже. Откуда я знаю, с кем ти была раньше?

– Ни с кем, – ответила она, ошарашенная его запоздалой откровенностью. Если бы он показал ей этот пакетик раньше, до того, как они вошли в общежитие, у неё не было бы сомнений в его намерениях. И не было бы всего этого кошмара! О, какой глупой казалась она себе со своей доверчивостью! А его рассуждения такими примитивными. «Не только мы молодые. Почему ты решил, что я должна начать именно с тобой?!» – хотелось ей крикнуть, но она молчала. Они абсолютно не понимали друг друга и абсолютно друг другу не подходили. Вот и всё.

– Скажи мне...

– Что? – неожиданно её голос прозвучал снисходительно, а во взгляде появилась ирония.

– Когда ми снова устретимся?

– Мы больше не встретимся.

– Надя, это шутка? – спросил он изменившимся голосом. – Если это шутка, то я понимаю.

– Нет, не шутка.

– Всё? Хватит тебе? Тогда ты очень слабый!

– Кун...

– Только два раза встретились! Ничего не нравится! Всё против!... Я так тебя чувствую, Надечка! Почему ты меня не чувствуешь? («Что он имеет в виду?») Ми подходим друг к другу! Да. Ми подходим друг к другу! Что я сделал плёхо, скажи?

– Кунди, я просто больше не хочу. Мне не...

– Что это «не хочу»? Забудь это слово!... Ты знаешь Ломоносова?

– Нет, а где это?

– Гарашё... Тогда договариваемся по-другому: автовокзал, конечная семнадцатого автобус... Жду тебя там воскресенье три часа. Ми будем немножко погулять, посмотреть видео. Три часа, хорошо?... Надя!

– А?

– Ты приедешь?... Служай!

Она поняла, что он будет уговаривать снова и снова.

– Ладно.

– Воскресенье, три часа... Пока! Чао! – и он тут же побежал на свой автобус, не прибавив ни слова и даже не взглянув на неё. Надя была озадачена таким странным быстрым прощанием, больше похожим на бегство.

6.

Субботнее утро было для неё ужасным. Она проснулась рано с ощущением, что случилось что-то непоправимое. Мгновенье – и вспомнились чужие руки, касавшиеся её тела, настырные губы... Она чувствовала себя больной, разбитой и униженной. Эти торопливые, ненужные, такие откровенно-плотские прикосновения как будто осквернили её, нарушив внутреннюю чистоту, покой и гармонию, и почти полностью перечеркнули очарование первого «невинного» вечера... Как ликовала её душа после первого свидания! Сейчас же её точно бросили в бездну.

Тишина... Все спят.

Ей хотелось воздуха. Потихоньку одевшись, Надя выбралась из дома и отправилась бродить.

В этот ранний час выходного дня улицы были пустынные; только раз прогремел трамвай; сыро, густой туман наполнял воздух, окутывал все деревья и здания, скрадывая перспективы. Снаружи – как и внутри. Казалось, природа скорбит вместе с ней, и в этом было тихое утешение.

Надя неторопливо шагала по безлюдным улочкам с деревянными домами, сохранившимися ещё в Отрадном, и всё пыталась ему объяснить.

Да, мне двадцать лет. Я взрослая... молодая, как ты говоришь, но я не хочу, чтобы все, кому не лень, трогали меня руками. Да, я сама с тобой пошла, но ведь могло же всё быть иначе? Было же! Зачем ты так? «Ты подходишь ко мне», – но ведь тебя интересует только тело! Как же ты можешь говорить, что я тебе подхожу, если ты совсем меня не знаешь? Тебе всё равно, что происходит у меня внутри. А я так не хочу! Физические ощущения для меня ничего не значат. Что значит, что я тебя не чувствую? Ты мне понравился. Мне приятно видеть тебя, слышать твой голос – ты мне интересен... Но теперь всё! Всё! Извини... Да, потому что я не могу быть с тобой так, как ты хочешь. Нет, ты не подумай, я не против этого вообще, но надо, чтобы люди любили друг друга. А в нашем случае речь не может идти о любви – ты ведь знаешь, ты здесь на время... И если бы мы полюбили вдруг, это было бы для нас катастрофой. Я ведь права? Или ты ещё не знаешь, что такое любовь? Зато я знаю!.. Ой, о чём я! Я ведь понимаю: ты ищешь лёгких, ни к чему не обязывающих отношений.

Тебе просто хочется с кем-то... Нет, я тебя не осуждаю, здесь нет ничего особенного. Но пусть это буду не я. Ведь есть такие... девушки, которым нужно то же, что и тебе. Вы легко поладите, и обоим будет весело. А мне плохо! Мне плохо, гадко и противно! Вот что ты со мной сделал. И оставь меня в покое, понял?! Оставь меня в покое!»

Слёзы текли из глаз, смешиваясь с лёгкими капельками дождя. Не надо было ни от кого таиться – вокруг не было ни души. Можно было вволю плакать и разговаривать вслух.

Надя ходила долго, и постепенно мысли её успокоились, а хандра мало-помалу рассеялась, как и утренний туман. Она уже просто шла, прислушиваясь к внешним звукам пробуждающегося города: где-то залаяла собака и скрипнула калитка: затрезвонил проехавший мимо трамвай; зашелестели, покачиваясь, деревья – ещё такие чёрные, намокшие; прозрачные капли повисли на кончиках ветвей, как слёзы, и Наде казалось, они живые и плачут вместе с ней.

Да, но что же делать с воскресеньем?... Не поеду! Я сказала «да»? Да, я сказала «да»... Вообще-то, Кунди, ты вёл себя не так уж плохо. Я ведь понимаю: если тебе и вправду так не терпелось, ты мог бы... Да, если подумать, я должна тебе ещё «спасибо» сказать... И уж во всяком случае, ты не заслужил, чтобы я тебя обманывала... Хорошо. Я приеду и постараюсь всё честно тебе объяснить – почему мы не можем встречаться. Мы можем немного погулять и расстаться по-хорошему. Скажу, что ты мне понравился, чтобы ты не думал, что что-то не так... Может, ты и прав по-своему, просто мне всё это не нужно. Ты меня совсем не понимаешь!.. А жаль!

Решив поступить таким образом, Надя почувствовала облегчение. Никаких трудностей в выполнении задуманного она не предвидела, разве что он не поймёт. Ну, это уже его проблемы.

В глубине души она была довольна как тем, что познакомилась с Кунди, так и тем, что благополучно выбралась из всей этой истории.

Кидан приготовился к осаде. И не в том проблема, что было задето его самолюбие, его мужское «я», привыкшее к победам. Нет, в этой девушке было нечто, глубоко его волновавшее. И дело не во внешности... Непонятно в чём! Она была какой-то иной человеческой породы, и вот, покопавшись в своих воспоминаниях, Кидан вынужден был констатировать, что ни с чем подобным ему сталкиваться ещё не приходилось. Ему не на что было опереться. Он привык к тому, что девушки всех цветов и оттенков кожи охотно оказывали ему вниманию – без особых ухищрений с его стороны. Почему же в этот раз он получил отпор? На этот вопрос у него не было ответа. В её поведении было столько нелогичного, что, когда он размышлял об этом, он никак не мог увязать одно с другим, только всё сильнее и сильнее болела голова.

7.

По утрам и выходным дням четырёхкомнатная квартира С-ых казалась очень тесной. Ванна и туалет периодически оказывались заняты, зато на кухне всех вместе было не собрать – одни только начинали завтракать, другие уже заканчивали.

– Однэ сило, другэ поило, а я тильки подавай, тильки подавай! – возмущалась тётя Лида, но Сашу, Надю и Костика, которые в это время оказались за столом, рассмешила её фраза, и вот уже все четверо (и тётя Лида в том числе) хохотали, толкая и подзадоривая друг друга. И всё то время, пока они находились на кухне, оттуда слышались взрывы смеха и весёлая перепалка. Бабушка выглядывала из своей комнаты и тоже улыбалась.

Чуть позже младшие, Вова и Костик, убежали на улицу, Сашу отправили в магазин, Сергей долго висел на телефоне, потом тоже собрался и ушёл. Ненадолго установилась относительная тишина.

Надя давно уже заметила, что её настроение зависит от погоды. На улице сияло солнце, дул ласковый и тёплый ветерок, всё вокруг преобразилось – яркое, сияющее, как перед праздником. И на душе у неё пели птицы, в ушах звучала музыка, а с губ срывался радостный смех.

Она вышла из дома в прекрасном настроении. «Теплынь, как у нас в мае!» Куртка нараспашку, без шапки, вместо сапожек – кроссовки. Она ликовала, радуясь солнечному теплу и свету, и – предстоящему свиданию. И её несколько не волновало, что оно будет последним. Только бы суметь объяснить ему всё так, чтобы он понял и не обиделся. Она чувствовала себя очень молодой, очень красивой и такой лёгкой, резвой, что ей просто хотелось прыгать, напевать и танцевать. И она напевала, слегка подпрыгивая на ходу. «Только бы не заблудиться!» Тётя Лида подробно объяснила ей, как добраться до автовокзала. Это было совсем просто: до Индустриальной, а там сесть на 17-й автобус – и до конца. Ещё по карте-схеме Киева она решила посмотреть, где находится эта его Ломоносова. Ого, на краю света, ну и забрался!

На всякий случай она вышла из дома пораньше, а потом обнаружила, что в спешке забыла одеть часы. Но возвращаться, конечно же, не стала. Да и зачем часы счастливому человеку?

В таком вот весёлом настроении Надя добралась до автовокзала. Но на условленном месте между киосками никого не было. «Наверное, я рано!»

Она отправилась немного погулять – разведать окрестности. Когда-то в детстве она была здесь: они с мамой провожали старшую сестру с мужем в Чернигов. Надя миновала маленький рынок, прошла по мосту с огромными каменными шарами в начале и конце.

Побродив минут десять, она вернулась и снова никого не обнаружила. «Может, я не туда приехала?... Нет, это именно то место, всё так, как он говорил», И тут её осенило: конечно же, он не приедет! Сам всё понял, без всяких объяснений! Наверное, ещё прошлый раз понял, что ничего не выйдет, поэтому и убежал так сразу. А она ещё удивлялась. Вот глупая! Конечно же, просто так, сама по себе, она ему не нужна. Надя даже усмехнулась своей наивности... Но несмотря на очевидность озарения, какие-то сомнения всё ещё оставались – вспомнилось его взволнованное лицо и голос – выразительный, живой... «Не может быть! Не может человек так притворяться!.. Может, ещё не время?»

– Скажите, пожалуйста, который час?

– Три, – быстро ответила женщина – она спешила на автобус, который только что подъехал к остановке и был атакован со всех сторон.

«Ах, три! Ну, ладно, смотри сам!»

Она легко вскочила на подножку автобуса.

«Всё к лучшему, и мне не придётся ничего объяснять».

Автобус плавно обогнул сквер. Надя с равнодушным видом уставилась в окно... Но странное дело: несколько минут спустя она вдруг почувствовала сожаление – ей даже захотелось вернуться и посмотреть ещё раз... Нет, ей жаль было своего недавнего прекрасного настроения: за окнами мелькал тот же самый пейзаж – деревья, маленькие домики, новостройки, заправочная станция с вереницей машин, но музыка в ушах умолкла, птички разлетелись, и смеяться ей больше не хотелось... И снова её душевное состояние переменялось: она ощутила, как в воздухе нарастает тревога, всё сильнее, сильнее, сильнее, как ветер перед бурей. Ей хотелось выскочить из автобуса и бежать вперёд быстрее, быстрее домой,

к телефону. Наверняка, Кунди уже звонит. Может, хочет что-то сказать? А может, он просто опоздал? «Да – просто! Если опоздал, значит, так я ему нужна!» А беспокойство всё нарастало. Она с трудом уже могла усидеть на месте. Внутри всё мелко-мелко дрожало и вибрировало от неведомого напряжения. Она крепко, до побелевших косточек, сцепила пальцы рук, чтобы унять лихорадочную дрожь...

От остановки до дома бежала бегом. Вызвала лифт, не дождалась, побежала по лестнице на пятый этаж, перемахивая сразу через три ступеньки. Распахнула дверь – тишина. Дома была только бабушка. Она мирно сидела на диване в залитой солнечным светом комнате и перебирала старые фотографии.

– Ба, кто-нибудь звонил?... Ну, телефон «дз-з» звонил?

Бабушка смотрела на неё ясным взором, не понимая. С тех пор, как умер дедушка, она всё больше впадала в детство, видела каких-то несуществующих людей, события, которые вовсе не происходили, и лишь изредка становилась такой же, как раньше. Надя поняла, что от бабушки ничего не добьётся. Даже если он и звонил, она об этом уже никогда не узнает... Как глупо всё получилось! Не раздеваясь, Надя принялась ходить из комнаты в комнату, из коридора в кухню и обратно, не отдавая себе отчёта в том, что делает.

Время шло. Телефон молчал. Надя поняла, что не может больше оставаться в четырёх стенах, не может больше выносить эту давящую тишину. Она снова выскочила из дома.

Почему ты не приехал? Почему? Может, что-то случилось?... Опоздал? Видишь, как я тебе нужна, а говорил! «Я тебя так чувствую, я тебя так чувствую». Почему же сейчас ты ничего не чувствуешь и не звонишь?... А может, ты звонил уже, пока меня не было? Может, ты и сейчас звонишь, а я, как дурочка, бегая по улицам?!

Надя снова бросилась домой.

Это не прошло и к вечеру.

Телефон то и дело звонил, братья по очереди брали трубку и подолгу болтали со своими друзьями о разных мальчишеских пустяках – видики, диски, тренировки – чушь собачья!

«Откуда эта боль и как её вынести? Что-то невероятное. Что это? Что?»

Надя не могла себе объяснить, как и почему это произошло, но мир рушился на глазах. Она теряла что-то до того дорогое! Этот случайный человек, неизвестно откуда ворвавшийся в её жизнь, значил сейчас больше, чем всё прошлое, всё будущее.

Позвони, прошу тебя, Кунди, миленький, я не могу вынести эту пытку! Позвони!!! Ну, что же ты?... Господи, сделай так, чтобы он позвонил!» Время ползло тошнотворно медленно. Вечер всё не кончался. Он не звонил. Но оставалась надежда.

Как же она тосковала по нему!

В своих блужданиях по улицам всё возвращалась и возвращалась в те места, где они были вместе. Вот здесь они встретились... Какое странное место – этот неожиданный спуск вниз, а машины и люди там, наверху. А если бы и она тогда не спустилась, а пошла той верхней дорогой? О, нет, нет, нет! И эти колонны в форме римской пятёрки, поддерживающие козырёк над дверью, как будто два сошедшиеся вместе луча... И прямо здесь, возле этих лучей... «Почему вы так на меня смотрите? Это потому, что я чёрный?» О, нет, нет! Кунди, пожалуйста, не думай так!.. Что ты со мной сделал? Теперь мне нравятся только чёрные лица, я ищу их в толпе, они твои братья, а белых я просто не могу видеть! Не могу больше этого вынести! Где ты, Кунди? Господи, пусть он позвонит! Прошу Тебя, Господи, сделай чудо! Один раз! И я навсегда в Тебя поверю!»

Вернулась поздно. Ни с кем не могла говорить. Спросить: «Мне никто не звонил?» – начнутся расспросы. Они бы сами сказали, ведь так?

Включила музыку, одела наушники и вышла на балкон.

*Ты попала в страшный плен,
всё вокруг – мираж,
не уйти, не встать с колен,
не отпустит грозный страж.*

Почему-то эта песня действовала на неё успокаивающе; стереонаушники и темнота обступившей ночи усиливали эффект, и на те несколько минут, что длилась композиция, боль немного утихала.

*Вот снова ночь без любви, без тепла,
В пространстве призрачных грёз.
Вот снова ночь, точно мост ты сожгла,
И всё летит под откос.*

Ей казалось, это о ней. Да, это она сожгла последний мост между ними, и *он* затерялся в этом огромном городе навсегда. И всё летит под откос, и снова она одна, никому не нужная, и эта холодная ночь – «я горячий, а ты – холёдная, да?» – без любви, без тепла, а ведь ты хотел дать мне всё это, ох, Кунди, как ты был прав: зачем всё это одному? Зачем? Зачем?!

Она точно плыла над городом, плыла по этой бескрайней ночи, над морем огней, и никого, ничего вокруг – только она, ночь и музыка...

Саша постучал по наушникам, сказал что-то, улыбаясь, но когда увидел её лицо с огромными чёрными от расширенных зрачков глазами, улыбка сбежала с лица. («Опять что-то не так. И снова – ни слова мне. Разве так дружат?»)

Костя делал уроки, Вова что-то мастерил для своих занятий по каратэ, Сергей мучился с уравнениями.

Надя поставила песню сначала.

– Я говорю, ты бы записала целую кассету и слушала, а так всё время перематывать – вспотеешь.

Опять Сашка. Но у неё не было сил отвечать. Не было сил даже улыбнуться.

Зачем я тебя оттолкнула?

Она вспоминала и вспоминала без конца... Где эти сильные руки, обнимавшие её так крепко? Никто никогда не обнимал её так. Никто никогда не целовал...

Зачем я была такой упрямой? Теперь ты, наверное, думаешь, что совсем не понравился мне, и даже не знаешь, глупый, как ты мне нужен, как сильно, невыразимо сильно я хочу тебя увидеть, услышать твой голос. И никогда не узнаешь... Нет!! Позвони!!!

И снова музыка спасала, вставая между нею и её отчаянием, между её болью и этой чёрной мглой, готовой её поглотить.

*Тонкость рук, прозрачность век,
Бег иных времён,
Лунный свет, алмазный снег,
Бесконечно-странный сон...
Вот снова ночь без любви, без тепла,
В пространстве призрачных грёз,
Вот снова ночь, точно мост ты сожгли, —
И всё летит под откос.*

*Я хотел тебе помочь, от беды спасти.
Я хотел тебе помочь —
Не успел. Прощай... Прости...*

Больше выдержать она не могла — убежала в свою комнату и уткнулась лицом в подушку.

Все вокруг были заняты своими делами, никто ничего не замечал, только тётя Лида что-то заподозрила или угадала женским чутьём.

— Чего цэ ты нос повесила? И не снидала ничего. По дому заскучала? Ни?

Надя отрицательно мотнула головой, прижавшись к стене.

— А щё? Ну, говори, хiba я не бачу...

И она рассказала самую суть: познакомились, встретились два раза, а потом вот как вышло... Она сама не знала, зачем рассказывает — не было больше сил выносить эту муку в одиночку.

— Тю! Нашла о чём плакать! Забудь и думать! Это не те люди, что будут встречаться. Ему просто нужна женщина... А ты ищи себе хорошего парня, чтоб с квартирой, с машиной, поняла?

И сон не шёл к ней. А когда, наконец, уснула, измученная непонятной болью, то и во сне продолжала прислушиваться и мгновенно открывала глаза, если казалось, что звонит телефон.

«Он так и не позвонил!» — было её первой мыслью на следующее утро. Сердце билось в каком-то ненормальном учащённом ритме, она всё время слышала гулкий частый стук, как будто бежала кросс.

А может быть, он потерял телефон? Или записал неправильно? Приехал — меня нет. Позвонить тоже нельзя. И вот это... потому... вместе такое, да-да, так вполне может быть! Ведь если мне в начале было почти всё равно, а теперь вдруг такое, то невозможно, чтобы он был спокоен, ведь он вёл себя куда боле пылко! Если не притворялся, — тут же скептически заметила она. Я слышала, как стучало его сердце. «Мне жарко, но не потому, что окно закрыто». И теперь он, наверно, думает: она не приехала потому, что не хочет меня видеть. Какая злая ирония: я убедила его в том, что он мне неинтересен — теперь, когда сама поняла, что мы подходим друг другу! Боже мой, какая я дура! Ведь ты же прав, прав! Почему я не понимала раньше? Если бы эта встреча была случайной, как много раз раньше, не было бы теперь такого со мной. О, Кунди!»

Пытаясь как-то занять себя, она настроила письма Люде и Ире, выплеснув наружу часть своей боли. Но сердце не успокаивалось.

Наверное, и он сейчас так же, как я.

Ей почему-то казалось, что так и есть, иначе она не могла объяснить эту вдруг поднявшуюся в душе бурю.

Он ведь ничего не знает, кроме телефона, и если телефона нет или неправильно записан, то он думает, что больше никогда меня не увидит. Он не может меня найти. А я? Я знаю, где живёт его друг. Я могу пойти и спросить... Но она тут же отвергла эту мысль. Ну, что она скажет другу? Оставалась другая зацепка — она знала, где он учится и улицу, на которой живёт. «Общежитие на Ломоносова. Ты знаешь Ломоносова?» — и ей так живо представилось его лицо. Да, всё возможно!

Надя оделась и выбежала на улицу, где и провела весь день в беспорядочных блужданиях и мучительных размышлениях.

А вечером, когда стемнело, она, опираясь то на сведения, полученные от прохожих, то на свою интуицию, оказалась на Ломоносова... и все её надежды разлетелись, как карточный домик: небольшая улица, квартала два, была сплошь занята студенческими общежитиями. Ничего подобного она не ожидала... Он где-то здесь, за этими каменными стенами.

Неужели ты не слышишь, как бьётся моё сердце? Неужели ты всё лгал – и лгал не только словами? Лгали твои умоляющие глаза, твои сильные руки и горячие губы? Ты так стремился убедить, удержать меня, предотвратить бегство и разлуку!

Устав за день, она уснула быстро и спала без сновидений, а на утро, только открыв глаза, почувствовала: что-то изменилось; ей всё ещё было безумно жаль и сердце так же ненормально быстро билось в груди, но впереди уже забрезжил какой-то просвет, и Надя поняла, что самое худшее позади, и силы возвращаются к ней.

«Либо я его найду – и тогда будь, что будет. Либо забуду без всяких колебаний, потому что невозможно жить в аду!»

И в голове сам собой созрел чёткий план: поехать на Ломоносова, спросить в любом общежитии, где живут студенты сельхозакадемии, агрохимии, а там спросить у дежурной, в какой комнате живёт Кунди из Эфиопии. Жаль, что не спросила фамилию... Если на каком-нибудь этапе произойдёт сбой, и она не сможет его отыскать – значит, всё это ерунда и болезненное воображение. Тогда всё забыть и перестать себя мучить! А если же случится чудо – иначе не назовёшь, – и она снова его увидит, – значит, это судьба, и пусть *она* решает.

«Господи, ты знаешь, я верю Тебе. Я всё предаю в Твои руки. Если Кунди только случайность, то помоги мне его забыть. А если это Ты послал мне его, Господи, то сотвори чудо! Пусть я снова его увижу! И тогда пусть всё будет так, как Ты хочешь... Если это случится, если возможно такое чудо, и Ты захочешь его для меня сделать, то я поверю в Тебя навсегда, без сомнений и колебаний, бесповоротно и окончательно. Прошу, Тебя, Господи!»

И она повесила на шею крестик, который купила во Владимирском соборе.

Вот как получилось, что около пяти часов Надя снова оказалась на Ломоносова, узнала, что студенты-агрохимики живут в общежитии номер пять, но дальше этого дело не пошло. Она просто не могла заставить себя войти в общежитие. Ей вдруг сделалось невыносимо стыдно. Мимо проходили студенты, весёлые парни и девушки, обменивались приветствиями и репликами, и Наде казалось, что все они видят в ней чужачку и догадываются о цели её приезда. Войти в общежитие, начать расспросы было выше её сил. И что она *ему* скажет? А вдруг она всё себе придумала, тогда как он уже и думать о ней забыл?

«Всё. Не могу! Постою здесь пятнадцать минут, до пяти, и уеду... Господи, если моё сердце не обманулось, если моя боль в самом деле означает, что я теряю дорогого человека, – пошли его ко мне навстречу. Я не оттолкну его, я не буду такой, как прежде... Но если я не увижу его сейчас, то прости... И спасибо, что Ты уберёг меня от соблазна. Я никогда об этом не пожалею, даже если потом, спустя время, он позвонит или...» – закончить она не успела.

8.

Было около пяти. Оба телефона возле магазина опять оказались сломаны, а аппарат возле входа осаждала целая толпа желающих позвонить. Может, попросить у дежурной? Или улучшить момент? Хайле, его высокий друг, всё говорил и говорил. Кидан, погружённый в свои мысли, не забывал кивать в нужных местах, – не хватало только расспросов! Но вне-

запно и Хайле, и всё вокруг куда-то поплыло – и земля закачалась под ногами. Опять галлюцинация? Как вчера вечером, когда он возвращался от друзей. Но вчера они пили, а сейчас...

Удивлённый голос Хайле вернул его к действительности:

– Hey, Kidany, she's like the baby I saw with you some days before, yes! Quite right!.. which you locked! – и Хайле прыснул в кулак. – And I told you – remember?

Кидан вздрогнул. Нет, этого не может быть! Но сердце заколотилось, как бешеное; кровь бросилась в голову, и на несколько мгновений он лишился способности соображать, и только переставлял ноги, боясь споткнуться.

Да, это она – её фигура, её голубая куртка и забавная шапочка. Но что она здесь делает? Сомнения нахлынули с новой силой. Что ей здесь нужно? Для порядочной девушки это не место. Выходит...

Краем глаза держа её в поле зрения, он медленно прошёл мимо; остановился возле входа, смешавшись с группой, сражавшейся за телефон. Хорошо, Хайле догадался оставить его одного – и без вопросов, только хитро подмигнул на прощание. Да, он прекрасно помнил слова Хайле: «Если она тебе не подойдёт, дай мне знать!» – сказал тот, покидая комнату Менгисту. И вот она здесь – за новой жертвой?!

Надя тоже смотрела на него, хотя из-за своей близорукости не видела лица, но эти полосатые брюки, заправленные в белые сапожки – она не могла ошибиться. Неужели, это он – стоит там и смотрит, просто стоит и смотрит? И она медленно, боком, слегка передвинулась и спряталась за ствол старой яблони, прекрасно сознавая, как глупо всё это выглядит со стороны.

Он отделился от толпы и сделал шаг навстречу, потом ещё один робкий, неуверенный шаг. Фигурка в голубом вынырнула из-за дерева и тоже сделала шаг по направлению к нему. «О, что за огромные синие глаза!» – и уже не в состоянии размышлять, Кидан направился прямо к ней.

– Привет! Кого ты ждёшь?

– Тебя.

– Меня?... Нет, не верю.

– Почему ты не пришёл в воскресенье?

– Я биль! Я биль там, но тебя не нашёл.

– Нет, неправда! Я была ровно в три, а тебя там не было.

– Да, я опоздал, немножко, пять минут, а ты даже пять минут меня не ждала!

– Ну, хорошо. А почему ты не позвонил?

– Я звонил.

– Да? Мне не передавали.

Надя взглянула на него – и вдруг он показался ей таким красивым, таким желанным. «Боже мой, где раньше были мои глаза!»

– Наверное, так и надо, наверное, не надо было передавали, – продолжал он обиженным голосом. – Спортила мою настроению!

– И моё.

– И твоё?... Нет, я не верю, – и добавил удивлённо: – Я би всё равно тебе позвонил... Давай зайдём.

Они зашли в маленькое невзрачное кафе и стали в очередь. Надя уже не чувствовала себя здесь чужой и отверженной и с любопытством осматривалась, иногда мельком взглядывая на Кидана. Она не могла понять, как он? Молчит. Не смотрит. С трудом сглатывает слюну. То ли недоволен её появлением, то ли слишком взволнован?

– Чего ты молчишь? Ты не рад, что я приехала? – она уже не чувствовала ни малейшего смущения от своей «проделки», ей важно только было знать правду.

Он протянул ей стакан с её любимым томатным соком и направился к столику. Почему-то сейчас он выглядел более молодым.

– Если не рад, то так и скажи!

Поверх стакана с соком он впервые посмотрел ей прямо в глаза. Щёки её мгновенно вспыхнули.

– Пей.

Короткое это слово прозвучало так, что дальнейших разъяснений не потребовалось – в нём была и нежность, и радость, и настойчивая просьба не спрашивать больше ни о чём. Надя почувствовала себя на седьмом небе.

И вот уже то, о чём она молилась как о чуде, эта невероятная долгожданная встреча, показалась ей самым естественным делом.

«Значит, судьба. Так тому и быть!»

Больше она не сомневалась. Теперь всё происшедшее обрело свой истинный смысл и место в её жизни. И ещё нечто новое, сверкающее на миг зазвенело в её душе: «Господи, значит, Ты действительно существуешь!? И Ты сделал это – для меня?! Благодарю!»

Но снова что-то непонятное происходило с ней: три дня она сходила с ума, три дня жила в каком-то кошмаре, три дня непрерывно молила о встрече и так тосковала по этому человеку, точно он стал частью её самой. И вот он перед ней, рядом с ней, она легко может к нему прикоснуться, но вместо этого стоит, отстранённая, и с недоумением спрашивает саму себя: а что, собственно, происходит? Что это со мной было?

От её лихорадки не осталось и следа. Но хотя Надя и не могла объяснить самой себе странные происходящие с ней перемены, она была очень довольна, что он снова обретён.

Жизнь прекрасна!

Кидан о чём-то раздумывал.

– У тебя сейчас есть время? – спросил он, и Наде сразу же стал ясен ход его мыслей. Ну, нет, так далеко они ещё не продвинулись. Ей необходимо было всё хорошенько обдумать и попытаться разобраться, что к чему, наедине с собой.

– Нет, мне сегодня ещё надо в поликлинику, я и так опаздываю.

– Обязательно сегодня?

– Да, обязательно.

Он посмотрел на неё испытующе, и Надя на всякий случай вздохнула.

– Хорошо. Пойдём, я тебя провожаю.

Вместе они пришли на остановку, и почти сразу же подошёл автобус.

– Завтра тебе позвоню шесть часов. Ну, пока.

– Пока.

– Чао!

Он простился, не вынимая рук из карманов, не сделал попытки ни обнять, ни поцеловать. Но Надя была слишком умиротворённой, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Как только автобус тронулся, на губах её появилась счастливая улыбка. Она так и сидела всю дорогу, глядя прямо перед собой на одной ей видимые картины, с сияющей улыбкой на губах.

«А чудеса всё-таки бывают!»

9.

Так всё решилось. Надя только очень жалела, что не спросила у него ничего об этих трёх днях. Как он их провёл? Не было ли с ним того же, что и с ней?

День прошёл на редкость удачно – и по настроению, и по результатам. Необходимая справка была у неё в руках. Вот только с работой всё не складывалось: уже первое марта,

а обещания пока так и остались обещаниями. Но Надя не падала духом. Наоборот, летела как на крыльях и чувствовала себя счастливейшей из смертных. Встречные мужчины всех возрастов усиленно оказывали ей внимание, водители уступали дорогу и сигналили вслед. Но чем ближе стрелка часов подходила к шести, тем больше она нервничала. Без двадцати шесть она была дома – сидела с тётей Лидой на диване, пытаясь весело рассказывать о своих делах, но с ужасом замечала, что симптомы этих трёх кошмарных дней возвращаются: снова гулко стучало сердце, ломило виски, голос не слушался, а руки начинали дрожать. Когда же стрелка часов долго-долго простояв на цифре шесть, двинулась, наконец, дальше, Надя больше не могла усидеть на месте, – вскочила, пересекла комнату по диагонали, вернулась, и, схватившись за батарею – так надёжней – пристально уставилась в окно.

Так, так! Ну и дела!

Кидану казалось, что ключик уже у него в руках. Так вот, что надо было делать! Вот как надо было вести себя с ней с самого начала! Не пороть горячку, не обнаруживать своих чувств, так открыто и сумасбродно, а совсем наоборот. Случайность – он немного опоздал; случайность, что когда он звонил, в трубке всегда слышался мужской голос, и он молчал, а она, видимо, решила... решила... Но что же она могла решить после всего, что он говорил и делал?! Неважно, не в этом суть, но именно этой цепочке случайностей он был обязан тем, что крепость близка к сдаче. Спокойно! Придержи коней! Теперь он всё понял и знал, что надо делать.

В 18.10 зазвонил телефон, и этот звонок эхом разнесся по всей квартире. Сердце на миг остановилось – и вновь заколотилось как бешеное.

– Алло-у! Привет! Как дела?

О, этот чарующий голос, но какой спокойный, почти равнодушный.

– Сегодня я биль занят... Ми тут с ребятами ходили. Сегодня, наверное, тебе будет поздно?... Алло-у? Надя!

– Да, наверное, – она с трудом справилась со своим голосом.

– Устретимся завтра, хорошо?

– Во сколько?

– Шесть часов. Там, где ми устретились раньше, ти помнишь?

– Да.

– Шесть часов, – повторил он. – Ну, пока, я тебя селюю.

– И я тебя.

На секунду на том конце провода воцарилось озадаченное молчание, а потом, точно он не был уверен, что его правильно поняли, снова:

– Я тебя селюю.

– Да. И я тебя.

– И ти меня??

В его голосе прозвучало столько удивления, что Надя невольно рассмеялась и, сказав ещё раз: «Пока», положила трубку.

10.

2 марта 1989 года.

– Не понимаю, почему мне никто не сказал, что ты звонил?

– Ува! Как он знает?

– А что ты говорил?

– Ничего...

Надя остановилась и посмотрела на него с изумлением.

– Как? Ты звонил – и ничего не говорил? Ни слова?

– Да.

– Почему?

Снова он выбрал какой-то новый маршрут. От Большевика они проехали одну остановку на другом автобусе, и Надя не могла сообразить, в какую сторону отправиться. Теперь она просто стояла посреди бетонной дорожки и ждала ответа.

– Пошли?

– Почему ты ничего не говорил?

Он поднял голову и посмотрел на неё, как-то странно прищурившись.

– Тогда они знают, что ты встречаешься с иностранцем.

– Ну и что? Они и так знают, я сама сказала.

– Ува! Ты сказала? И они тебя пустили?

– А почему они должны были меня не пустить? Что здесь такого?

Он не ответил и быстро пошёл вперёд, что-то бурча себе под нос.

Эта встреча не была похожа на остальные...

У Менгисту оказался гость, и пока они сидели все вместе, разговаривая и делясь новостями, Кидан не выпускал Надину руку из своих рук. От этих прикосновений жаркие волны пробегали по его телу, отзываясь в сердце, в самых интимных точках, и снова возвращаясь к ней.

Как только они остались одни, он потянул её за руку, и был поражён той готовностью, с какой девушка села ему на колени. Её точно подменили! Он не успел опомниться, а её губы уже прильнули к его губам.

Всё. Больше сдерживать себя он не мог.

Она совсем не ожидала... Она думала, они наконец-то поняли друг друга, и то, что они сейчас делают, просто игра, просто более близкое и доверчивое знакомство друг с другом. Она столько всего сказала ему за эти дни в своих мечтах, она была откровенна до глупости, а с этим она вполне могла бы повременить, даже хотела бы повременить, но он всё повторял: «Мне так неинтересно! Мне так неинтересно!» – помогая ей освободиться от блузки и брюк. Ну, пусть, если ему так нравится. Она старалась не возражать, только вздрагивала пугливо в ответ на его через чур откровенные ласки. И тут же его руки успокаивающе гладили её, точно упрекая. В комнате был полумрак, тихо играла музыка. Она немного расслабилась, пытаясь прислушиваться к своим ощущениям. Это не было неприятно. Но и приятно тоже не было. Наверное, потом, позже, она научится что-то чувствовать, находить удовольствие в этих прикосновениях... месяц, может быть, два... за это время они лучше узнают друг друга, и тогда... Вдруг – без слова, без звука, точно сорвавшись с тормозов он оказался сверху, придавив её своей тяжестью, и жгучая, нестерпимая боль пронзила всё её тело снизу-вверх; что-то чужеродное, как острый клинок, вонзилось, ворвалось в неё, раздирая пополам. Дикий крик – и ногти впились ему в лицо, оцарапали шею, грудь. Она забилась... Всё было кончено.

Опешив, ничего не понимая, он двинулся к выключателю, зажёл свет и снова вернулся к кровати. Эта дикарка стояла в стороне, вся в слезах, и натягивала одежду.

Он присел на кровать и коснулся пальцами чего-то мокрого, красного, горячего.

– Откуда – этот – кровь???

Лицо его застыло в таком комичном удивлении, что, несмотря на пережитое потрясение, Надя не сдержала улыбки, хотя слёзы ещё лились из глаз.

– Ты что, не понимаешь? Я же тебе говорила: я ни с кем не была!

Он то ли вздохнул, то ли простонал, – и тут же оказался рядом; нежно, бесконечно нежно обнял её, осторожно прижал её голову к своему плечу, гладил и дышал в волосы. Что он мог сказать? Только тихо целовал лоб и щёки, смахивал слезинки, а они набегали вновь и вновь.

Каким идиотом, каким непроходимым тупицей он себя чувствовал. Как он мог не понять?! «Даже не думал, даже в голову не приходило!» Какая оплошность!! Чего только он не думал о ней за эти дни, да, чего только не думал! И всё равно она оставалась желанной – только не это, Господи! Ты свидетель, Господи, только не это! Происшедшее обрушилось на него, как лавина. Он был смущён и растерян.

– Мне надо привести себя в порядок. Где здесь?... – спросила она.

Он подробно объяснил ей дорогу, вернулся в комнату. Из зеркала на него глянуло вытянутое лицо со вздувшейся на лбу кровавой полосой. Рубаха была растерзана. Из крохотных ранок на шее и на груди сочилась кровь. Разглядывая своё отражение, он поправил рубашку, прижёл одеколоном ранки; сморщившись от боли, ругал сам себя, но то, что он сейчас испытывал, было далеко от раскаяния, и стоило ему это осознать, как на его губах промелькнула и исчезла самодовольная улыбка.

Потом он танцевал для неё, и она любовалась его движениями, исполненными врождённой грации и благородства; шевелил плечами и лопатками, и они трепетали, как сложенные крылья, и чувствовал, как от её улыбки в его душе распускается прекрасный цветок – как разворачиваются нежные, мягкие лепестки, излучая тихий мерцающий свет.

– Рисуи меня! – он протянул ей карандаш и лист бумаги, и когда её глаза – серьёзные, серые, с мокрыми ресницами, погрузились в его глаза, – лепестки цветка мелко-мелко завибрировали... Но её взгляд был спокоен и по профессиональному скуп. И тут ему впервые пришло в голову, что для юной двадцатилетней женщины, которая и женщиной-то стала только сейчас, она держится просто великолепно. По её лицу, изящно-небрежным движениям и особенно по её бесстрастному взгляду нельзя было понять, что происходит у неё в душе.

– Почему ты никогда не называешь меня по имени? – спросил он.

– Почему? Я называю.

Он усадил её к себе на колени.

– Как? Я не слюшал.

– Кунди.

– Ка-ак?

Надя смешалась, опустила глаза, но тут же вскинула их и спросила озорно:

– А как тебя зовут?

И тут его накрыло лавиной во второй раз: он мечтал о ней, бредил ею, звал её, а она даже не знает его имени! И смеётся! Но он быстро проглотил обиду и постарался ответить ей в тон:

– Целуй меня десять раз, тогда скажу.

– Раз... два... – её губы с комичной серьёзностью касались его щеки, и он с досадой подумал, что она целует его, как брата. – девять... десять... Ну, теперь скажи.

Он посмотрел в её по-детски любопытствующие глаза и произнёс негромко, по слогам:

– Ки-дан.

На самом деле ей было немного стыдно.

Кидан взял рисунок, несколько минут рассматривал, потом спрятал в карман.

– Покажу друзьям.

Они сидели рядом на кровати, слушали музыку. Кидан был притихший, как будто усталый, и Надя подумала, что он скучает.

– Пойдём? – спросила она, но Кидан взглянул на неё с укором.

– Почему сегодня ты хочешь так быстро уйти от меня? – голос прозвучал жалобно, и она успокоилась.

«Как всё неожиданно – раз!» Она не сердилась. Внутренне она согласилась на близость в эти страшные дни неизвестности – только бы он нашёлся. Но она никак не ожидала, что это произойдёт сегодня – без подготовки, без её согласия, что он, в конце концов, просто воспользуется преимуществом своей силы и её наивностью... Но она также не предполагала, что добившись своего, он захочет быть так нежен и внимателен, что он может быть таким тихим, может просто сидеть рядом и гладить её руки. Она не искала слов – Кидан тоже молчал. Вот только выражения его глаз она никак не могла расшифровать.

Да, Кидан был спокоен – и несколько разочарован. Это открытие – её девственность – хотя и многое объясняло, но всё же сбивало с толку. Снова она казалась ему иной, незнакомой, не той девушкой, что мерещилась ему в горячке последних дней. Почему-то тогда она казалась ему опытной до изощрённости и страстной до безрассудства. Как теперь быть? Но думать не хотелось. На него снизошёл покой, блаженная усталость, так бы и сидел всегда. Клонило в сон. Как она теперь себя поведёт? Чего хочет? О чём думает? Непонятно. Молчит...

Пальцы его легко перебирали её волосы, ласкали шею. Только сейчас он заметил золотую цепочку и, потянув, извлёк маленький крестик.

– Ты веришь в Бога? – спросил он, оживившись.

– Да, верю, а ты?

– Я – верующий, очень верующий! – произнёс он страстно, – только они не разрешают мне носить моё золото.

– Почему?

Он пожал плечами, не желая отвечать. Она не настаивала.

Снова его руки ласкали её – от кончиков тонких, почти детских пальцев, поднялись вверх, коснулись ключиц, ненароком спустили ворот голубой футболки, обнажив белое плечо... ЧТО ЭТО?

Надя почувствовала, как он весь вздрогнул, и обернулась: Кидан замер, а его застывший взгляд был прикован к её плечу. Губы что-то шептали...

Там, на белом обнажённом участке, где округлость плеча плавно переходила в выпуклость груди, красовалась маленькая чёрная родинка.

* * *

Здравствуй, Надюша!

Только что получила от тебя письмо. Прочитала, и у меня самой задрожали руки. Я не знаю, как правильно выразить на бумаге те чувства, что охватили меня. Я как будто вместе с тобой пережила и страх, и боль, и радость встречи с человеком, который помог узнать тебе себя с совершенно другой стороны. Только прошу тебя, не теряй голову. Что я могу тебе посоветовать? Ничего нового мне не открыть. Сядь, успокойся, откинь все эмоции (хотя, может быть, и на грани невозможного) и трезво реши, чего ты хочешь. Мечешься, бросаешься из одной крайности в другую, а ты всего лишь поднялась ещё на одну ступеньку человеческой жизни.

Надюша, тебе сейчас очень трудно, от того, что ты сейчас предпримешь, зависит, может быть, вся твоя будущая жизнь. Ты всё правильно думаешь, только не делай поспешных шагов.

*Читая начало письма, я смеялась от того, что увидела Надю ошарашенной от нового знакомства (**вот, смешно ей, а люди страдают!**), да ещё какого, в общем, такую, какой я тебя прекрасно знаю. К концу письма я испугалась. Испугалась, потому что почувствовала твоё отчаяние.*

Самое главное, пойми, это то, что жизнь продолжается, не поддавайся панике, ты ведь сильная. Знай, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. А советовать, куда шагнуть, в какую сторону, я не могу, я не палочка-выручалочка, ты – одна, я – другая. Хочешь знать, как будет правильно? Правильно будет так, как ты решишь.

*Я не знаю, любит ли Он тебя, любишь ли ты его. Может быть, от этого зависит твоё решение? (**да!**)*

Да, что ещё там за туберкулёз? У тебя ведь никогда не болели лёгкие, а положительная реакция на прививку может быть из-за самых разных факторов. У меня тоже один раз так было, но ведь нет туберкулёза. Так что, по-моему, это ерунда. Главное не раскисать. Обязательно пиши. Конечно, я понимаю, что тебе хочется выговориться, но что поделаешь? Придётся довольствоваться тем, что имеем.

Пиши, жду.

Люда.

Здравствуй, Надя!

Извини, пожалуйста, за то, что пишу далеко не сразу. Я знаю, что ты обиделась на меня. Но я просто не могла написать. Понимаешь, столько всего навалилось, что я не хотела писать, потому что получилось бы сухо и не совсем откровенно. Ты лучше меня знаешь, что если не можешь написать, то при всём желании ничего не получится. А я пишу очень редко и для меня это почти то же самое, что для тебя. Разница только в том, что я пишу письма, а ты кое-что другое. Только ты не подумай, что меня не волнует то, что ты пишешь. Знаешь, когда я получаю твои письма, я открываю их с каким-то страхом. Он мне уже знаком: такой же страх охватывает меня, когда приходит телеграмма. Входит женщина, и за те несколько секунд, которые уходят на вручение листка бумаги, испытываешь невесть что. Чуть ли не ноги подкашиваются.

*А потом я читаю и перечитываю страницу за страницей. Дочитываю до конца и вздыхаю облегчённо. Пока всё в порядке, если можно так сказать в подобном случае... Надя, ты спрашиваешь, что тебе делать, как бы я поступила на твоём месте? Я этого не могу сказать, потому что сама не знаю. Я никого никогда не любила, да и меня никто не любил. Поэтому я (**и не могу!**) могу сказать, как правильно было бы поступить. Вам надо разойтись. Ты ведь знаешь, что вместе вам не быть, а ждать, чем всё может закончиться, просто неблагоприятно.*

*Но ты ведь это и сама прекрасно знаешь. Я представляю, как тебе сейчас тяжело. Ко всему прочему ты ведь страшно впечатлительная и мнительная. У тебя очень сильно развито воображение, и ты иногда видишь то, чего на самом деле нет (**что на самом деле есть, и чего не видят другие!**) Так что тебе, наверное, тяжелее, чем другим. Надюша, я*

очень беспокоюсь, как ты там. А письма... Я понимаю, что тебе сейчас нужна поддержка, но ты ведь знаешь, какая я «тюха». Я могу слушать, а говорить – не мой удел. По-моему, всё человечество делится на две группы: на тех, кто слушает, и на тех, кто говорит. Я отношусь к первой. Да ты и без меня это знаешь. Так что пиши, а я буду слушать, переживать, думать. Ты прекрасна, Надька. Я ещё никогда не встречала таких людей. На тебя нельзя обижаться, тебя надо принимать такой, какая ты есть, со всеми недостатками и достоинствами. Ну, это так, случайно вырвалось, ты смотри, не зазнавайся.

Ну, вот, надо, наверное, и о себе немного. Как у меня дела? Никак! Существу пока потихоньку. Скоро перешагну двадцать лет. Недавно ездили с девчонками в Захонье, к бабе Тане, помнишь, ты рассказывала? **(я ж тебе говорила: не ездь!)** Бабуля успокоила. Сказала, что до свадьбы мне ещё далеко. Гуляй, говорит, только не говори, сколько тебе лет. Вот так. Ещё сказала, что я куда-то уеду. А мы и правда собираемся. Защитилась я хорошо. Получила «красный» диплом. Да только куда с этим дипломом податься? В Эстонии нас не берут. В Нарве только штукатуром-маляром. Можно было бы, конечно, поискать работу самой, но знаешь, мне совсем не хочется здесь оставаться.

Сначала думала поехать учиться. В технаре дали справку, что мы можем поступить в высшее учебное заведение по нашей специальности в течение этих трёх лет. Но ты знаешь, времени на раздумье было слишком много, и я поняла всю абсурдность своего решения. Я ведь прекрасно понимаю, что это не моё, а тратить бесполезно силы и время по крайней мере глупо. Пока решила ехать в Астрахань. Там, по некоторым сведениям, можно устроиться по специальности, но это пока всё очень зыбко. В общем, я как Иванушка на перепутье. Только камня нет. Ты не представляешь, как меня мучает эта неизвестность **(ну, это мы уже проходили!)**. Голова уже, как чугунок.

Вот, наверное, и всё. До свидания.
Обязательно пиши. Жду. Люда.

Здравствуй, Надюша!

Сегодня у меня день рождения, и самым большим подарком были сразу два письма от тебя.

Спасибо за фотографию. Знаешь, он действительно интересен. Высокий лоб, умные глаза. В глазах чувствуется какая-то глубина. В общем, он мне понравился. Надюха, какая ты всё-таки счастливая! Я страшно рада за тебя. Знаешь, мне ещё ни с кем не было так хорошо, как с тобой, и мне хочется, чтобы у тебя всё было хорошо. Ты любишь, и тебя любят, а это главное.

Надюша, спасибо за советы. Мне действительно не хватает настойчивости и уверенности в себе. Я знаю, что скоро сделаю глупость, уехав в Астрахань. Всё как в кошмарном сне. Почему в Астрахань? ... Честно говоря, меня туда совсем не тянет. Я бы с удовольствием приняла твоё предложение, тем более, что Киев – самый лучший город, который я когда-либо видела. Да и ты рядом. Но не могу. Не могу бросить Ленку **(вот, сдалась нам эта Ленка!)** Она ещё такая глупая, ты просто не представляешь. Если я её оставлю, то она, наверное, что-нибудь с собой

сделает. Это же такая дурочка. Тут как-то после защиты у неё был конфликт с мамой, да как раз на меня обиделась, хотя я вовсе не была виновата. Так она опять травилась. Выпила две таблетки демидрола, ей стало очень плохо. Вызвали скорую. Сказала, что очень хотела уснуть. Вот так. Сейчас всё замуж собирается. Парень хороший, надёжный. Но не знаю, что у них выйдет. Вот такие-то дела.

До свидания. Целую. Люда.

Февраль-апрель 1989 года.

Мгновения жизни

*Старый лес, мы ведь не понимали,
Лето не будет вечным – осень нас разлучит.
Старый лес, по полосе асфальта
Мы покидаем место нашей любви.
А лес всё молчит...*

Мы стояли на балконе в прохладных сумерках июльского вечера. За нашими спинами горел яркий свет, гремела музыка, веселились подвыпившие гости... потом ушли к столу. Нас всё это не касалось. Я одела стереонаушники, поставила «Scorpions» – «I'm still loving you». Ты принёс мне сигарету и бокал вина и смеялся, глядя, как я «шикую».

Была музыка, была ночь, были знакомые огни ГВФ... легчайший запах дорогого табака (всего пара затяжек, ты ведь знаешь, я не курю), кислотовато-терпкий вкус шампанского – и рядом ты... Саш, конечно, это смешно, но в то мгновение казалось – о чём ещё мечтать? Понимаешь? Не так уж много выпадает человеку моментов, когда он столь полно ощущает жизнь, когда не мучает прошлое, не манит будущее – существует лишь одно бесконечное now – и рядом ты.

Ты не любишь прощаться и всё время куда-то спешишь, когда спешить совсем не надо. Знаешь, я по тебе скучаю. Мне не хватает наших прогулок – вместе, быстро-быстро; твоей долгой открытой улыбки и наших разговоров – ни о чём и обо всём... Ты говоришь о музыке – я о любви, ты об учёбе, и я тебя ругаю или даю советы, ты говоришь о дружбе – я говорю о тебе, ты говоришь о девчонках – я вздыхаю, ты снова говоришь о музыке – я о своей любви – ты ревнуешь, я смеюсь, мы смеёмся вместе. «Пока... пора идти...» Теперь я живу далеко. «Саша, проводи Надю», – говорит тётя Лида, и мы оба благодарны ей за эту «навязчивую» заботу, потому что – вечер, тихий и поздний, мы идём, улыбаясь друг другу и говорим, говорим, говорим... Я не обижаюсь на тебя, когда ты заявляешь, что я «впадаю в детство» или, когда слышу, как ты спрашиваешь обо мне у домочадцев: «Надя уже уползла?» – потому что, когда ты со мной, слишком, мне слишком ясно: я – лучшая, и нет других.

Сашка, ты был мне другом, а для меня это значит – им и останешься, ведь дружба, как и любовь, не умирает...

Часто в моих снах мы нежны друг с другом, как настоящие брат и сестра, влюблённые в своё сходство.

В жизни всё было немного не так.

И ты до сих пор не знаешь, какое место занял в моей судьбе, и что твоя семья – мой второй дом, и что я очень люблю твою маму – безотносительно к тому, что она теперь обо мне говорит, ведь прошлое не меняется, и оно было прекрасно. И я никогда не забуду тот год – навсегда знаменательный в моей жизни по другой причине, – который мы провели под одной крышей, живя как одна семья.

Я помню наши детские встречи и твой визит в Нарву с Вадимом зимой 87-го. Я лежала в больнице с переломанным носом, и вдруг ты появился – худой и длинный. И лето – кошмарное лето моего провала. Мне хотелось бы оказаться под трамваем, но я долго-долго слушала тётю Лиду, её спокойный неторопливый украинский говорок – ночь прошла, начался рассвет – и я продолжала жить. И следующий мой приезд с группой на зимние каникулы в 88-м... Но тогда это был ещё не ты и это была ещё не я, которая теперь пишет эти строки...

89-ый... Я написала 89-ый – и долго сидела в раздумье. Это совершенно особый для меня год – год, с которого началась моя настоящая история. Всё, что было до – только пре-

людия, предисловие к жизни (мои обобщённые впечатления от того периода, ещё не зная будущего, я так и назвала – «Прощальная прелюдия»).

Я помню наши совместные вечера – над книгой английских сказок, когда мы, склонив головы над очередной страницей, почти касаясь друг друга, старательно играли в переводчиков; наши шахматные баталии (из которых ты так редко выходил победителем), сопровождавшиеся словесной пикировкой, полной скрытого смысла, иносказаний и недомолвок. Мне нравилось играть с тобой – даже проигрывая, ты расточал мне комплименты... Шахматы увлекали меня, уводили от тяжёлых раздумий, помогали сделать менее мучительным ожидание очередного звонка. Так весело бывало, помнишь, когда мы собирались в детской – ты, я, Вова, Костик, тётя Лида – слушали музыку, спорили, разговаривали. Сколько шуток и смеха звучало тогда! Тётя Лида в пылу очередного спора изобретала какое-нибудь новое слово, и мы покатывались от хохота, а она сама смеялась громче и заразительнее всех. У тебя чудесная мама! Да, я помню все твои жалобы, но когда-нибудь ты поймёшь, что я права. Мы часто собирались так, забывая все дела, только появление дяди Лёни или Срегея разбивало нашу весёлую компанию: разговоры смолкали, смех звучал принуждённо – и вот уже Вова уходил к друзьям, Костик вновь брался за уроки, тётя Лида отправлялась к телевизору, а мы с тобой – на кухню. Нас тянуло друг к другу. Мне нравилось встречать твой взгляд – то задумчивый, то восхищённый.

– Ох, до чего ж ты капризная! – жаловался ты. – Я капризных людей вообще не уважаю... А в тебе мне это даже нравится, – и обезоруживающая улыбка.

Мне импонировала твоя откровенность. На прямо поставленный вопрос ты всегда отвечал прямо. Но ты, наверное, не обидишься на меня, если я скажу, что не принимала тебя всерьёз – двоюродный брат, близкий друг, почти подружка... Когда появился Кидан, ты понемногу, чисто «по-подружески» начал меня предавать. Когда я возвращалась поздно, ты злился:

– Зачем ты вообще вернулась? Ночевала бы там, как будто все не понимают!..

Дядя Лёня сидел тут же в кресле, загадочный и молчаливый, как сфинкс.

И соглашаться, и оправдываться было одинаково опасно, и я молча ушла к себе.

Другой раз, когда все уехали в Тетерев на праздники, и дома остались только мы с тобой и бабушка, ты сказал:

– Я еду в Конча-Заспу с друзьями, вернусь завтра.

Кидан удерживал меня, но я осторожности ради всё же вернулась домой. В два часа ночи, когда я уже спала, приехал ты и, не раздеваясь, прямо в ботинках вошёл в нашу с бабушкой комнату, включил свет... Я тебя очень сильно тогда разочаровала?

– Что ты так в него вцепилась? Будут и другие, кроме этого мулата. Думаешь, нет? Будут, будут! Зачем ты с ним вообще встречаешься, если даже кассет попросить не можешь?

– Саш, у нас совсем не такие отношения.

– А какие, какие у вас отношения? – воскликнул ты.

Ты сидел на столе, под окном, отвернувшись, я видела только твой профиль, и в который раз подумала: мы похожи даже внешне! Недаром у нас общее число рождения – 26-е, как раз друг напротив друга, ты – в ноябре, я – в мае. Только меня совсем не задевали твои сердечные дела, даже наоборот, я пыталась познакомить тебя с подружками, которые нравились мне самой, но ничего путного так и не вышло, да? Даже с Жанной, хотя вы понравились друг другу. Но я видела, что мои отношения с Киданом ты принимаешь слишком близко к сердцу.

– Знаешь, Саш, я долго была одна, долго-долго. У меня были друзья, и как друзья они мне нравились, но они зачем-то влюблялись в меня. Дружба пропадала, а любить их я не могла. Были какие-то увлечения, но ничего стоящего. Как теперь вижу, вообще ничего. Когда ты один, ты всё время мечешься, ищешь какого-то смысла... Даже в самые удачные дни, в самой весёлой компании тебя всё равно чего-то не хватает. Ты чувствуешь одиночество и

необъяснимую тоску, и даже сам не понимаешь – что это. И только потом, когда встретишь человека – и жизнь твоя меняется... просто быть с ним рядом, просто знать, что он есть – уже счастье. Весь мир, все события – как фон, а он – главное... и смысл, и цель, и радость, и всё-всё... вот такие у нас отношения.

Ты слушал меня, по-прежнему отвернувшись, внимательно рассматривая что-то на пустой белой стене, и только длинные пальцы нервно перебирали всякую мелочь на столе. Потом посмотрел на меня – уже просто, без боли и раздражения, и тихо сказал:

– А я такого человека ещё не встретил.

Теперь я знаю: молчание, отсутствие доверия тоже может быть мукой, но у меня было тогда много своего – запутанного, трагически-неразрешимого, захватывающего. Я ничем не могла тебе помочь.

Прощаешь?

Ты очень хотел увидеть Кидана. Тебе казалось: стоит только взглянуть на него – и ты сразу всё поймёшь. Саш, я не держала его в тайне специально от тебя, он сам решал. Он был моим возлюбленным, но не был другом. И с каждой моей проблемой я приходила в ваш дом – к тёте Лиде, к тебе. Я очень люблю Костика и Вовочку, с каждым из них были своеобразные, полные очарования отношения, но другом мне был только ты.

С Костиком мы пускались в рискованные кулинарные авантюры, и вместе их расхлёбывали, в прямом смысле! Мы изобретали коктейли, смешивая мороженое со всякой всячиной. Много баловались. Он ходил за мной как хвостик по всей квартире. Я так его и звала Костик-хвостик.

Вовочка – даже не знаю, что сказать. Это была смешная влюбленность старшей сестры в симпатичного и послушного младшего брата, который обещает стать интересным мужчиной. К тому же он тигр, как и Кидан, и как Кидан, предпочитал объясняться не словами, а поступками и взглядом.

А к тёте Лиде я шла, как к матери, и хотя я знаю, что многого во мне она не понимала и не принимала, она никогда не оставляла меня без помощи, будь то доброе слово, вкусный обед или десятка в долг.

А ты помогал мне в моих скитаниях с квартиры на квартиру, получал мои посылки, ездил со мной за паспортом, когда я умудрилась его потерять, а добрые люди нашли. Но говорили мы всё меньше и меньше. Точнее, ты говорил, а я в основном слушала. Мне казалось, что я стремительно расту, что жизнь учит меня, как стать самостоятельной, взрослой и неуязвимой, а ты не меняешься. По возрасту – одноклассники, по опыту... Словом, наше духовное единение дало трещину, и трещина росла.

Помнишь нашу поездку в твою любимую Конча-Заспу, где нас уже ждали твои друзья?

Это было на Пасху... Мы вышли из автобуса и вступили в лес. Ни души не было вокруг, только мы – и солнце – и небо. И громадные тёплые сосны. Запах смолы, усыпанная иголками и шишками тропинка. Ты протянул мне руку, а потом спросил удивлённо: «Не хочешь?»

Мы говорили о тебе, о твоих отношениях с родителями, о девушке по имени Марина, которая тоже должна была приехать. Мы долго бродили по берегу речушки, отыскивая условленное место, то и дело натываясь на чужие палатки. Ты начал нервничать, а мне было хорошо. Мне нравилось бродить с тобой, и было всё равно – отыщем мы твоих друзей или нет.

Нам так долго удавалось балансировать на тонкой грани между дружбой и влюблённостью, не переходя той едва уловимой черты, которая отделяет отношения брата и сестры, любящих друг друга, от просто любящих...

Иногда я подолгу не бывала у вас – моя работа, командировки, учёба в университете, напряжённые личные отношения... Но когда мне удавалось выбраться, это был, как всегда, праздник. Так, наверное, чувствует себя потрепанный штормами корабль, возвращаясь

в родную гавань. Многое менялось вокруг и в нас – почти пять лет жизни, шутка ли! – но это оставалось неизменным... до тех пор, пока ты чуть было всё не испортил. Ты с самого начала любил поворчать: «Я не железный! Смотри, я могу и не выдержать!» Но я пропускала подобные реплики мимо ушей. Это случилось позднее...

Однажды мы с тобой поехали в Иванково на свадьбу нашей троюродной сестры Светланы. Было начало ноября, много гостей, играл приглашённый ансамбль, шатёр во дворе. Веселье в разгаре. Нас уговаривали остаться ночевать, но мы удрали... Уже давно стемнело. Мы не знали дороги. По пустым улицам бегали только кошки да собаки.

Мы шли наугад, доверившись своей интуиции. Тихая ночь и яркие звёзды, каких не увидишь в городе. Мы остановились полюбоваться, и тут на тебя что-то нашло – может, перемерз, может, выпил лишнего. Ты несколько раз безуспешно пытался меня обнять, а потом спросил:

- А ты меня не боишься?
- Нет, не боюсь.
- Правильно, ты же всё-таки моя сестра.
- Саш, перестань!
- Если б ты не была моей сестрой, я б на тебе женился.
- И ты думаешь, я бы согласилась?

Мне хотелось пошутить, напомнить тебе наши споры из-за того, кому выносить мусорное ведро и идти в магазин, про твоё чрезмерное пристрастие к музыке, да мало ли что? Я ведь прекрасно знала тебя домашнего, и хотела только напомнить тебе об этом, а ты вдруг обиделся. Замолчал, отвернулся. Мы нашли остановку, но не было ни расписания, ни автобуса, ни людей, и мы вообще не знали, куда дальше идти... Не помню, как добрались до автовокзала, где объединились с тремя такими же бедолагами, которые уже давно и безуспешно пытались остановить рейсовый автобус.

Вот подъехал ещё один.

- Нет мест! Отпустите двери! – закричал молодой водитель. – Никого не возьму!

Ты осторожно подтолкнул меня вперёд, к самым ступенькам. Я поняла твой манёвр: подняла голову и взглянула на водителя. Я ни о чём не просила. Я не сказала ни слова. Водители (их было двое) переглянулись... Через пару минут мы с тобой и трое остальных ехали по направлению к Киеву.

Я люблю ехать куда-нибудь вечером, мчаться сквозь ночь, освободив на время от всех забот и ум, и тело. В ночных поездках есть для меня что-то притягательное: мелькание огней, едва уловимые контуры домов и деревьев. Мир кажется таким загадочным, какой он и есть на самом деле, но днём об этом легко забываешь.

Мы стояли рядом на подножке, тесно прижавшись друг к другу плечом, ты – на ступеньку ниже, что скрадывало разницу в росте. Мне не понравились твои слова, мне не понравилось твоё поведение, но теперь, когда все волнения, связанные со свадьбой и с возможностью заночевать посреди незнакомого посёлка, остались позади, мне нравилось стоять с тобой рядом и ощущать тепло твоего плеча.

Потом я долго не приходила, чтобы всё забылось и стало, как прежде... Но ничто никогда не бывает, как прежде. Моя жизнь снова сделала крутой вираж, и в следующий раз я пришла к вам уже не одна...

Но знаешь, Сашка... Александр – у тебя такое красивое мужественное имя!.. Но знаешь, когда я родила ребёнка и до самого рассвета лежала без сна, переполненная новыми и удивительными впечатлениями, то больше всего на свете я хотела поделиться этим с тобой. Я лежала на высокой кровати на уровне огромного окна. Ночь, бесшумно падал снег в розовом свете фонаря. Мела метель. Я видела кусочек неба и белую крышу. Почему-то мне совсем не хотелось спать – не так, как рассказывают об этом большинство рожениц. Дежурная мед-

сестра несколько раз подходила к распахнутой настежь двери моей палаты и заглядывала внутрь. И я каждый раз улыбалась ей. Я чувствовала, как движется время – размеренно, полновесно, значительно, – ведь это были первые минуты и часы новой жизни. Меня ничто не волновало и не тревожило. Самое главное было позади – где-то недалеко, в этом же крыле, спал мой мальчик. Такого покоя, гармонии и внутренней тишины не было ещё в моей жизни. Я размышляла... Я думала о многом... И мне так хотелось поговорить с тобой, рассказать тебе, что значит быть женщиной, любить мужчину и родить ему дитя... Я говорила с тобой долго, и когда пришёл рассвет, ты знал об этом то же, что и я.

Soft Ice

НЕЖНЫЙ ЛЁД

*И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя,
и вот, это было время твоё, время любви*

Ты есть, но ещё не знаешь, что уже существуешь. Ты идёшь босиком по земле, и ступни твоих израненных ног окрашиваются алым, но, не чувствуя боли, ты смеёшься, удивляя других, удивляешься сам. Ты ещё человек, но уже не можешь быть только им. Книга твоей судьбы открытой дана тебе в руки, но тебе кажется, что это сон – чарующий и страшный; и вслушиваясь в вечно звучащий в тебе голос – твой и Его – ты ждёшь, как прежде, ждёшь, не догадываясь, что пробил час, и будущее уже наступило.

«Отец мой, я полюбил!»

Остановлено дыхание ночи.

Всё громче и громче стройный звон далёких колоколов, рождающий тончайшую вибрацию кристально-чистого воздуха. Шум воды вечного фонтана в тени древних башен, безмолвно устремлённых ввысь от начала сотворения мира.

Мысли светлеют и утончаются.

Внимание! Ситуация: я жду врага и, утомившись долгим ожиданием, теряю бдительность. Враг приходит неузнанным. Я уже вошёл в поток, и не могу изменить его течение. Что это?

– Это вызов.

– Вызов?... Я принимаю его!

Угасает незримый свет, долину окутывает туман, в котором затихает, удаляясь, звон колоколов, и тает, исчезая, перешёптывание водных струй.

Вновь повеял пьянящий ветер весны. Тихое веселие синих сумерек, пронизанное прохладой зимы, доживающей последние часы. Праздник обновления. Уход, возвращение, встреча. Мистерия встречи, разыгрываемая вновь. Там, в вышине, сначала синей, потом чёрной, дальше – звёздной, – слагаются удивительные гимны, предопределяющие судьбу. Чью – на этот раз? Кто Избранник и Избранница?

Тсс... Мы скоро узнаем.

Весна. Новый виток неизменного круга.

Нет, на этот раз – всё иначе.

Невидимые руки исполнителей Высочайшей Воли уже ткут заказанную ткань. Неслышные шаги вездесущих посланников уже прозвучали рядом. И выбрано место, и подготовлена почва, и посеяно семя, и проклюнулся росток.

Весна особая, неповторимая, единственная весна – время сбывающихся надежд, время судьбы и исполнения желаний, время любви.

Мистерия Встречи, разыгрываемая в пространствах древнего города, увенчанного золотыми куполами церквей, города, исполненного притягательной силы и тайны – космический ковчег загадочного народа, откуда «есть пошла земля русская».

«И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и называли его Киев».

Город твоего владычества – но ты не помнишь. Забвение – плата за возврат. Это же – условие договора.

Письмена судьбы сокровенны... Ты ясно видишь буквы, но не сумеешь уловить смысла, пока из букв не сложатся слова, из слов – предложения, а из предложений – история. Сокровенны письма судьбы. И воды забвения угасили память – только странная притягательность этих мест: горы, на которой стоит здание академии, Голосеевской пустыни, маленькой церквушки в голубой огаде, где когда-то совершалось отпевание... Только странная власть запахов – как удар по обнаженным нервам; и загадка имён, и скрытый трепет сердца; вдруг промелькнувшее – знакомый пейзаж, уже слышанный оборот речи, до боли знакомое лицо...

– Где я мог видеть вас раньше?

– Нигде. Я вас нигде не видала.

– Может быть, вы меня не заметили?

– Нет, не может быть. У меня хорошая память на лица...

Лица... Но лицо – только оболочка, маска, скрывающая суть. Я знаю тебя. Я не могу пройти мимо... Итак, не узнал?... А сердце? Скажи мне!

Я не знаю тебя. Кто ты?

Тогда... дослушай эту мелодию до конца.

Здравствуй, Надюша!

Немного задержалась с ответом. Писать впопыхах, лишь бы написать – не хотелось, а время... не то, чтобы его не было, а просто не то состояние. Все выходные проспала, как сурок. Борька, не выдержав, сказал, что это ненормально – столько спать. Но это всё ерунда. Знаешь, иногда мне кажется, как бы это сказать точнее, что я для тебя некий эпизод, понимаешь? Только не обижайся, пожалуйста! Вот глупость взбрела в голову.

Ты хочешь знать, как всё было у нас? Во-первых, намного прозаичнее, чем я это себе всегда представляла. Познакомились мы почти сразу, как приехала. Я работала у него на участке, в подчинении, так сказать. Он – начальник участка, а я – не поймёшь в какой роли... Как-то осенью, ещё было тепло, он пригласил меня сходить с ним вместе в кино. Сходили. Но я как-то внимания на это не обратила. И потом всё только после Нового года. Получилось так, что мы в одной компании встречали праздник, и я очень «перебрала». Слово грубое, но точнее определения я не нашла. Очнулась, осознав, что я целуюсь. Да, да. Потом мне было плохо, он меня проводил домой. Ну, а потом пошло-поехало. Я убедилась, что он просто так в покое меня не оставит. Со своими фильмами надоел до смерти. Я не скажу, что он мне был неприятен или ещё что-то. Просто я считала, что Он будет не таким. И рост тоже. Ты же знаешь, что я была отнюдь не поклонницей низкого роста для мужчин... Вот так. Знал бы сейчас Борька, что я пишу. Он сидит почти рядом и читает журнал. Да, я отклонилась. Так вот, а Он оказался именно таким, и мы оба, наверное, до сих пор бы встречались, слонялись вечерами по улицам, если бы в один момент он не пришёл и не сказал: «Всё, завтра едем в город подавать заявление». А я не

противилась. Знаешь, как слепой котёнок, который покорился судьбе и идёт туда, куда его зовут. Было, конечно, страшно, в голову, как всегда, лезли всякие пакости. Тысячи вариантов мелькали перед глазами. И ни на чём не остановиться... Потом как-то Борька спросил, что если бы он не взял меня за руку, я что, так и продолжала бы молчать? И я, подумав, ответила, что да. Вот так, море противоречий и полная растерянность.

А теперь я могу сказать, что меня любят, и любят по-настоящему. Представляешь? Я никогда не думала, что меня можно любить. Даже до сих пор странно говорить эти слова. И чего я могу ещё желать? Я спокойна. И не представляю для себя уже ничего другого. Теперь мы ждём дочку. И я уже знаю, как её будут звать. А он не знает. Пристаёт каждый день с глупыми вопросами. Я чувствую себя рядом с ним иногда тётей, которая много познала в жизни и которой приходится учить всему этого непоседливого, до ужаса упрямого ребёнка. А иногда сама себя чувствую маленькой девочкой рядом с ним. Девчонки иногда спрашивают, счастлива ли я. По-моему, счастье это что-то минутное, проходящее и уходящее. Я им отвечаю тогда, что я спокойна. По-моему, их этот ответ не устраивает. Но это их дело, а я живу, как живу. Занята ежедневными заботами: вовремя убрать, постирать, сготовить. Прозаично? Но такова жизнь, главное – не увязнуть во всём этом. Я бы ещё могла писать и писать, но хотелось бы поместить одно стихотворение, не знаю, читала ли ты. Это Фазу Алиева:

*Сегодня, знаю,
Не придёшь,
И в жаркую бросает дрожь —
Мне дня наставшего не надо,
На что сегодняшний мне день,
Когда со мною будет рядом
Весь день
Лишь собственная тень.
Мой беспокойный взор поник,
Внутри меня таится крик,
Мне от него безумно душно,
Пусть вырвется он,
Как вулкан,
Пускай разбудит равнодушных,
Которым дар любви не дан.
Пускай покинет крик меня,
Приняв подобие огня, —
Пускай увидят трезвым взором
Разбуженные среди дня,
Что с их холодным миром рядом
Есть мир,
Исполненный огня.
Сегодня знаю,
Не придёшь,
И на пустыню мир похож,
И я бреду по той пустыне,*

*Но вот до моря добрела:
Наш Каспий, словно небо синий,
В день,
Раскалённый добела.
Молчу на тихом берегу,
Расстаться с болью не могу,
И вдруг разбушевалось море:
Волна вскипает за волной,
Наверно, в море
Капля горя
Обронена случайно мной.
Уже отзывчивый простор
Не усмирится до тех пор,
Покамест дара внятной речи
Я вновь не обрету вполне,
Покамест не дождусь я встречи
С тобою
В предстоящем дне.*

*Ну, вот, я всё, пока. Пиши. Жду.
Тебе понравилось стихотворение? Бывает такое?
Ну, всё, всё, всё.*

Люда.

Киев. Март 1989 года.

Что-то странное начало происходить со временем – то ползёт, как черепаха, как вчера на лекциях, где ему было невыносимо тошно – впервые, то вдруг делает невообразимые скачки, как...

Он пытался размышлять, но мысли путались, метались лихорадочно, насканивая одна на другую – то сцепляясь, то разбегаясь в разные стороны.

Он пытался размышлять, а руки быстро делали ставшую привычной работу – помещивали рис, тянулись за приправами. Потом машинально взглянул на часы. Две минуты четвёртого! Похолодев, Кидан выключил газ и бросился на улицу, на ходу натягивая куртку.

И вот я вижу тебя – вновь. Ты ждёшь меня, шевеля землю носком сапожка. На этот раз ты меня ждёшь. Я слегка замедляю шаг. Ты поднимаешь голову...

По дороге к общежитию Кидан достал из кармана рисунок и протянул его Наде.

– Я показывал друзьям. Они сказали: видно, что она хорошо рисует, но это как белый... не похоже.

– Да, я тебе говорила... Чтобы было похоже, надо, чтобы я понимала человека.

– Да... Правильно. Ты будешь рисовать другой?

– Если хочешь.

Они снова были на Ломоносова.

Почему-то Наде очень нравилось здесь. Над будничностью пейзажа, над серой пасмурностью этого выходного дня царила атмосфера веселья, беспечности, молодости. Из распахнутых окон всех этажей лилась разноголосая музыка, везде попадались только молодые симпатичные лица, слышались обрывки разговоров на непередаваемом и с трудом переводимом студенческом сленге, русская речь мешалась с украинской, иногда – с английской,

иногда – не разберёшь с какой. Как хорошо было бы просто погулять здесь, подышать весной!.. Однако Кидан неторопливо, но неуклонно вёл её по своему маршруту.

– Давай немножко погуляем?

Кидан улыбнулся было, но тут же заговорил серьёзно:

– Я готовил рис, ты любишь рис, э? Надя, я голёдний. Я ждал тебя.

Они вошли в общежитие, поднялись на четвёртый этаж.

Надя немного робела. Она как-то не представляла себе этой встречи, которая и манила её, и пугала, как запретный плод.

На первый взгляд комната показалась ей мрачноватой – узкая, длинная, с высоким потолком, разделённая на две части неким подобием перегородки – две кровати до, две после – по столу в каждой половине, холодильник, телевизор – места совсем нет, только узкий проход между столом и кроватями.

Кровать Кидана под синим бархатным покрывалом стояла справа от окна. Такого же стила, как и покрывало, коврик висел над ней. Точно такая же, как у Менгисту, полочка с парфюмерией и портретом хозяина.

– Это ты? Совсем не похож... Без усов.

В первой половине на кроватях сидели два русских мальчика, занятых своими делами. Но Надя знала, что они всё равно слышат каждое слово, и чувствовала себя неловко.

– Я готовил обед. Всё бросал, боялся, что опоздаю к тебе, – он взглянул на неё с упрёком во взгляде и улыбкой на губах. Надя впервые встретила с ним взглядом, и сердце её учащённо забилося. Как хорошо, что они были не одни! – Не знаю, что получилось.

Получилось очень вкусно – рис с мясной подливкой и невероятным количеством перца и пряностей.

– Ты так хорошо готовишь.

– Я научился здесь... Студенческий зижнь... Дома я даже никогда не заходил на кухню!

Надя с аппетитом ела кушанье и осматривалась.

– А это чья кровать?

– Тоже земляк.

– С тобой учиться?

– Нет, он учится юниверситет. Ми просто хотели жить вместе.

– А где он?

– Он сейчас Этьопия... Когда он вернётся, я тебя познакомлю...

В этот момент двое молчаливых слушателей оставили свои книги и потихоньку покинули комнату.

– А с этими ребятами у вас хорошие отношения?

– С советскими? А ты как думаешь?

– Откуда я знаю? Ты же с ними живёшь, а я – первый раз вижу.

– Да, хорошие, – и на лице его расцвела довольная улыбка. – Если бы они меня не уважали, э? они бы сейчас не ушли.

Кидан встал, подошёл к дверям и щёлкнул замком...

Какая странная началась жизнь – я вступила в совершенно новую для меня сферу, и то и дело попадала впросак. Даже в интимной жизни существуют определённые стандарты; стандарты, о которых я не знала и не собиралась придерживаться...

Кидан подсел к ней, и Надя сделала то, что ей давно хотелось сделать: запустила руку ему в волосы, с любопытством исследуя густую курчавую растительность, так знакомо пах-

нущую – хной? А он, как котёнок, подставлял голову ей под руки, поворачиваясь то так, то этак, зажмурив глаза и улыбаясь. Оставалось только замурлыкать.

– Ты как котёнок, – засмеялась Надя.

– Нет, я – как он, – Кидан гордо выпятил нижнюю губу, и без того выступавшую вперёд, и кивнул на стену, где поверх ковра было приколото несколько открыток, в том числе тигр и лев.

– Тигры, львы какие-то...

– Да, я лев!.. Я родиль в июле.

– А какого числа?

– По-вашему... по-вашему...

– А у вас что, по-другому?

– Да, у нас свой календарь, – он достал календарик и что-то подсчитал. – Примерно двадцать третьего июля. А ти?

– А я в мае, двадцать шестого. Я – близнец... Твои волосы пахнут хной.

На его лице промелькнуло встревоженное выражение.

– Что это – хной?

– Это краска такая.

– Я не красишь краска! – воскликнул он с возмущением. – Это – хороший волос, качественна!

Надя залиvisto рассмеялась. Какой забавный! Конечно же, не краска – хна рыжая! Говорит о себе как о какой-то вещи. Она всё ещё продолжала смеяться, когда поймала его взгляд – он смотрел на неё с таким волнением, с такой неуголётной жадностью, что смех застрял у неё в горле. Тут же его руки крепко обняли её и потянули вниз.

– Кидан, подожди... Подожди!

– Надя! – в его голосе послышалась скрытая угроза.

– Скажи мне, зачем я тебе?

На минуту он задумался, полуприкрыв глаза, а затем спросил осторожно:

– А если я не отвечу?

– Конечно! Тебе просто нужна женщина!

Он мгновенно опустил глаза и быстро спросил:

– Как это?

– Послушай меня, я для тебя говорю – ну, у нас так получилось, ладно... но я не подхожу для таких отношений, тебе нужна не я, тебе нужна другая, кото...

– Не советуй мне других! – воскликнул он запальчиво и снова набросился на неё, зажав рот поцелуем, ясно показывая, что говорить он больше не намерен. «Тигр, настоящий тигр», – промелькнуло у неё в голове.

– Нет! Пусти! Не хочу!

– Ти что – ненормальный! – вскипел он. – Теперь, когда ми так касались! Мне же больно!

– Я боюсь. Мне тоже будет больно.

Взгляд его близких глаз смягчился и потеплел.

– Вот и пусть нам будет больно вместе, – произнёс он, освобождая себе путь и подавляя последние слабые попытки сопротивления.

В первый момент боль заполнила всё – она выгнулась дугой и вцепилась ногтями в его плечи, но уже через секунду в её широко распахнутых глазах отразилось удивление, хватка ослабла, голова мягко опустилась на подушку, а глаза тихо закрылись...

Я думала: я хотела знать, что это такое – теперь я знаю. Моё любопытство удовлетворено. А теперь – хватит.

Я уйду от тебя, исчезну насовсем... Но я хочу оставить след в твоей душе – ясный и чёткий, такой же, как этот рубец от моих ногтей на твоём лбу – рана зажила, а след остался.

Запомни меня, слышишь! Просто запомни навечно – это всё, что мне от тебя нужно. Это всё.

И слёзы на глазах. Почему? Я не понимаю...

Я уйду от тебя, обязательно... но мне жаль. Безумно жаль. Чего?

V

Говорят, дурные вести разносятся быстро, но и хорошие – тоже. Я был очень удивлён тем, что все мои друзья уже знали о тебе – при встрече подмигивали мне, подшучивали, расспрашивали меня о тебе, хотя сам я ни с кем о тебе не говорил.

Но они знали.

Сам, своими ушами, я услышал, что ты «хорошенькая, как куколка» – и мне понравились эти слова. Все хотели тебя видеть.

8 марта 1989 года.

Кидан позвонил ровно в четыре.

– Жду тебя через час – центральный стадион, знаешь?... Да... Я тебя жду.

Удивительно медленно тянулось время. Кидан, наученный горьким опытом, пришёл слишком рано, и теперь стоял, продрогший и недовольный, ёжась под порывами ледяного ветра, провожая очередной автобус хмурым взглядом. И всё больше и больше мрачнел. И только когда она вдруг выпорхнула, всё голубая – в голубой куртке, голубых брюках, с голубым бантом в волосах, с сияющими голубыми глазами, и озираясь по сторонам, не зная, что делать, – он шагнул навстречу, и губы сами собой разулыбались, хотя он и сердился на неё.

– Опаздываешь! Сегодня ты меня проверяла, да?

– Нет, извини, я просто не знала, сколько времени сюда добираться, а тётя Лида сказала: минут двадцать. Я так и вышла, – радостно защебетала она, и её бант подпрыгивал на каждом шагу. Он не выдержал – тронул рукой, потом взял её руку – ладошка была тёплой, мягкой. Она и впрямь казалась ему красивой куклой – из детства, с витрины магазина – с бантом, кудряшками и длинными серёжками в ушах.

– Ми будем гулять, – сказал он, и Надя весело засмеялась. Он и сам засмеялся вместе с ней, не зная, чему.

– Какой ты! Сегодня такой холод!

– Ты сама говорила: хочу гулять, – произнёс он с упрёком.

– Да, и хочу, только бы не превратиться в сосульку.

– В сосульку, – повторил он, – старательно выговаривая буквы непривычного слова. – Что это «сосульку»?

– Как ты! – она опять беззаботно расхохоталась, теребя его замёрзшие руки. Кидан уже вспомнил, что такое это «сосульку» – и тоже развеселился.

– Если ты замёрзла, давай бежим – кто быстрее.

– Давай! – охотно согласилась она и начала быстро высвобождать карманы. – Только положи это к себе – у тебя молния, а то я потеряю, тут ключи и...

Он остановился, крепко сжав её руки, и спросил удивлённо:

– Ты что – правда хотела бежать?

Они поднялись по лестнице и вышли на бульвар Леси Украинки, к остановке троллейбуса.

– Куда это мы?

– Гулять, ты сказала: «гулять».

– На троллейбусе?!

– Нельзя гулять на троллейбусе? – спросил Кидан, точно поддразнивая. После истории с бегом Надя уже не знала, шутит он или говорит серьёзно, – и отвернулась. Кидан притронулся указательным пальцем к её подбородку, развернул к себе её лицо и объяснил с улыбкой:

– Ми идём в гости общ... жите институт культуры. Ти знаешь, где это?... Мне надо что-то взять, если... он привёз. Ну, будем посмотреть...

В вестибюле общежития было тепло, но сидела бдительная дежурная.

– У тебя есть какой-нибудь документ?

– Ну, только пропуск.

– Давай... пропуск.

По сравнению с тем, что Наде доводилось видеть, общежитие института культуры было новым и чистым. Перед входом в лифт, в маленьком закоулке, где они были одни, Кидан неожиданно прижал Надю к себе, приник губами. Глаза его закрылись. По её телу пробежала дрожь. Впервые вкус его губ показался знакомым, её потянуло навстречу, и она впилась в его губы с такой силой, что Кидан вскрикнул – и тут же рассмеялся.

– Всё против, всё против, эре, – прошептал он. – Когда ми комнате: не хочу, не хочу! Сейчас... – он не договорил – они снова целовались.

Комната на одного человека – просторная и хорошо обставленная – была полна народа. Надя растерялась от обилия чёрных лиц, среди которых промелькнуло и два женских. Она поздоровалась. Кидан помог снять куртку, и они присели на кровати в углу, пока другие суетились – накладывали им еду в одну тарелку, отыскивали ложку для Нади (остальные ели руками, очень ловко помогая себе двумя кусочками хлеба). Еда снова была очень напорченной, но кто-то заботливо налил сметаны с Надиной стороны тарелки. Смех, разговоры, музыка не смолкали ни на минуту, и хотя Надя не понимала ни слова, её было весело. Она с интересом рассматривала гостей и обстановку, хозяина комнаты – мужчину зрелых лет в роскошном атласном халате, – как вдруг почувствовала, что горячая, – точно раскалённый уголь! – рука Кидана осторожно легла ей на спину и принялась медленно поглаживать. Никто из гостей не мог этого видеть, зато не одни внимательно наблюдавшие за «новенькой» глаза заметили, как вдруг вздрогнула её недонесённая до рта рука с ложкой и стремительно безвольно опустилась на колени, как вдруг затуманились её глаза, а выражение лица сделалось беспомощным... Надя с ужасом почувствовала, что не может себя контролировать – здесь, в людной комнате эта вполне невинная ласка подействовала на неё невероятно, точно пропущенная через мощный усилитель.

Она повернулась к Кидану и умоляюще шепнула ему в самое ухо:

– Не надо.

Теперь пришла его очередь вздрогнуть, даже волосы зашевелились на голове – так живо и горячо прозвучало слово. Он не рискнул взглянуть на Надю, только покорно убрал руку. Пришли ещё гости, среди них парень, которого он ждал.

– Одна минутка!

Кидан встал.

Как интересно они приветствовали друг друга – обнимались, прикасаясь щекой к щеке и похлопывая друг друга по плечам. Потом Кидан ненадолго скрылся в противоположном углу с одним из гостей, а вернулся, неся в руках какой-то свёрток.

– Пошли!

В обществе ещё нескольких парней они вышли на улицу.

– Я взял билеты в кино, семь часов. Ты любишь кино, да?

– Смотря какой фильм.

– Забиль... Подожди, подожди... камень...

– А! «Роман с камнем»! Я смотрела! – выпалила Надя и тут же пожалела. – Нет, это хороший фильм, с Майклом Дугласом. Я могу посмотреть ещё раз.

– Да? – в его голосе прозвучало сомнение. – До семи ещё целый час. А ты смотрела «Отелло»? Хороший фильм. Чекспир... Обязательно посмотри.

Надя только улыбнулась.

Вместе с другими они сели на троллейбус, добрались до Бессарабки и тут распрощались с его друзьями.

– Хочешь, мы купим билеты другой фильм – пораньше и который ты не видела?

Но ни в одном из центральных кинотеатров не было в этот вечер билетов на ближайший сеанс.

На улице царил праздничное оживление. По Крещатику разгуливали весёлые компании.

– Пойдём пока посидим в кафе, здесь есть очень хорошее кафе «Солнечный грот». Я там один раз была, – Надя тащила его за руку, а Кидан упирался. Она не понимала, в чём дело. – Пойдём! Там так уютно!

– Посмотрим, как нам там будет уютно, – пробурчал он, сдвинувшись, наконец, с места. Но ещё не дойдя до кафе, Кидан увидел там большую толпу и круто изменил направление.

– Ми туда не пойдём! Есть ещё много времени, пойдём Одесса-бар.

В этом кафе Надя была впервые. Здесь царил полумрак, играла приятная модная музыка, столики были покрыты белоснежными салфетками, а высокие массивные стулья с резными спинками придавали залу респектабельный вид. Закуски, напитки, фрукты, десерты, сладости – на любой вкус.

Надя сидела за столиком, спиной к стойке, и с аппетитом уплетала цитрусовый десерт. Кидан ел очень медленно, смотрел на неё, не отрываясь, и в его тёмно-карих глазах что-то плавилось и переливалось. Но Надя ничего не замечала – она была в восторге от музыки, и её пальцы легонько барабанили по столу, отбивая такт.

Я люблю музыку до умопомрачения. Я едва-едва сдерживалась, чтобы не вскочить и не начать танцевать. И место было. Искушение возникло настолько сильное, что я не могла отвести глаз от этого пространства между столиками, где уже видела себя танцующей. Я не боялась шокировать публику – мне уже доводилось танцевать и в автобусе, и на обочине дороги, и посреди огромного зала под рукоплескание заведённой публики. Но вот как отнесёшься к этому ты?

– Что ты так... ходишь? – мягко спросил он. – Надо так сидеть, как джельтмен.

– Я хочу танцевать!

Он улыбнулся, и его тихий вибрирующий голос прозвучал вкрадчиво:

– Пойдём к нам, там ты будешь танцевать, как ты хочешь.

– Если я буду **только** танцевать, я согласна.

– Что?

– Если я буду **только** танцевать...

– Ты грубый! – воскликнул он горячо. – Как ты можешь так говорить? Тебе не жалко?!

На минуту Надя растерялась, но тут же сказала ему тихо и серьёзно:

– Я тебя предупреждала... Я для этого не подхожу. Тебе нужны лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения. Я понимаю, ты думаешь, я привыкну и на всё соглашусь, но этого никогда не будет!

– Как не будет?

– Так, как ты хочешь!

– Что здесь плохого, эре, если ми поймём друг друга, э?

Он смотрел ей прямо в глаза, точно ждал чего-то; Надя не знала, как его понять и что ответить.

– Ты очень хитренький, – произнесла она, сбивая на шутку.

– Я – хитренький? – искренне удивился он. – Нет. От моей хитрости нет вреда. Хитрость, от которой нет вреда, это ум.

Надя улыбнулась: неплохо это у него вышло – сделать комплимент себе самому.

– Целуй меня! – попросил он вдруг.

Она удивилась.

– Что? Прямо здесь? – и уже потянулась, было, к нему, но Кидан остановил её, ласково притронувшись ладонью к щеке.

– Что ты спросила – прямо здесь? Да, правильно. Мне не надо было просить тебя об этом, да? – он как будто ждал опровержения. И тут, глядя ей в глаза, произнёс:

– Голубчик мой!.. Так можно сказать? Так наш профессор говорит.

– Голубушка.

– Голубушка, – повторил он, смеясь.

Двое чернокожих парней – из тех, что были с ними в общежитии института культуры, – вошли в кафе и направились к стойке. Кидан едва приметно взглянул на них и произнёс растроганно:

– Им видела – друзья?

Он ещё раз попытался уговорить Надю поехать с ним, а билеты порвать.

– Ти видела, тебе будет скучно.

А она подумала, что скучно, вероятно, будет ему, и погрузилась. Сама по себе она ему не нужна – так ей казалось в эту минуту. А тут он ещё достал из внутреннего кармана маленькую бутылочку коньяка и спросил: «Хочешь?» Надя с возмущением отказалась, Кидан спрятав бутылочку на место и сказал: «Пошли», а у неё почему-то создалось впечатление, что теперь, когда у него не вышло с ней, он спешит «в другое место».

«Да-да! Откуда я знаю, может, у него есть кто-то, а тут ещё познакомился со мной».

Настроение совсем упало. Они встали из-за стола; Надя двинулась к выходу. Кидан внимательно наблюдал за ней, потом подхватил оставшийся на стуле свёрток и протянул Наде:

– Возьми, тут есть подарки для тебя.

– Спасибо, – ответила она безразлично.

Дворец культуры «Украина» светился яркими огнями, в фойе двигались нарядные пары.

Снова подошёл троллейбус, и несколько минут спустя они вышли возле автовокзала.

Кидан затянул Надю в телефонную будку.

– Позвони домой. Скажи, что приедешь поздно.

– Нет, уже и так поздно.

– Надя...

- К тебе я не поеду, – отрезала она.
- Почему ты не посмотришь, что там?

Он сам развернул пакет и извлёк из него красивую коробку в замше с тиснёным золотом орнаментом, распахнул как книжку – там оказался прекрасный набор теней с зеркальцем и двумя кисточками. Ему так хотелось видеть, как она обрадуется, но реакция была довольно скудной – только в первый момент дрогнули ресницы.

- Не показывай никому, – сказал Кидан, снова заворачивая коробку и пряча её в пакет.
- Почему?
- Ну, слюшай меня, не показывай!
- Да почему? Что здесь такого?
- Ува! Если ты покажешь, они будут думать о тебе плёхо.

И он долго целовал её, не вынимая рук из карманов, недовольный отказом, но не решаясь высказать это вслух.

V

Я не знаю, что мне делать.

Да, я решила с тобой расстаться, но теперь, когда ты пошёл на уступки, когда мы только гуляли, и это было так хорошо... «Что здесь плохого, эре, если ми поймём друг друга, э?»

Пробуждаясь по утрам, я в первые же секунды с восторгом и замиранием думаю: «У меня есть ты!» Но следующая мысль бывает менее радужной.

Меня мучают сомнения. Да, ты мне нравишься, очень нравишься, я даже не могу определить границы этого чувства: иногда мне кажется, что наша встреча – только точка на прямой, продолжающейся в обе стороны, как будто я знала тебя ещё до нашего знакомства... Но физическая близость – камень преткновения! Камень на моей шее! Каменная стена между нами! И я... я не верю тебе!

- Надя, скажи, какое твоё отношение?

Кидан стоял в комнате Менгисту, спиной к двери, потому что она вновь пыталась бежать от него.

- Ну, ты мне понравился, и я хотела тебя видеть.

– Сначала «нравится», а потом? А потом? – спрашивал он, пытаясь привлечь её в свои объятия, но она отворачивалась и не хотела отвечать. – А потом любить, – заключил он, сжимая её так сильно, как только мог, не задумываясь, что в порыве страсти причиняет её боль.

Но она всё не сдавалась – ни его нежности, ни его силе.

- Оставь! Ты меня не любишь!

– Если бы я тебя... – он на миг запнулся, словно подыскивая другое слово, – не любил, я бы не мог!

Но она всё не сдавалась.

И когда вышли на улицу, быстро пошла вперёд, а потом вдруг неожиданно остановилась под фонарём и дрожащим голосом произнесла:

- Нам не надо больше встречаться.
- Почему? – спросил он спокойно.
- Потому что для этого нужно любить!
- А ты меня не любишь?
- Нет.
- Надя! Это не правда.

– Почему? Надо же, какого ты о себе высокого мнения!..

– Ты хочешь, чтобы ми сейчас просто сказали: до свидания – и больше не виделись?

Она долго молчала, точно пытаясь совладать с собой, и в конце концов выдавила из себя:

– Да.

Ему ещё никогда не приходилось видеть, чтобы человек так явно желал одного, а вслух произносил совсем другое. Он видел, как она боролась сама с собой, и сила воли этой маленькой женщины поразила его. Он обнял её за плечи, запрокинул голову, и они шли, целуясь, то и дело натываясь на фонарные столбы. И когда на прощание он сказал:

– Я жду тебя в субботу, – у неё не было сил возразить.

V

Утро, когда все расходятся кто на работу, кто в школу – самое любимое время для меня.

Я иду в детскую, прибираюсь, сажусь за машинку... Но очень скоро замечаю, что не печатаю, а сижу, уставясь в пространство с глупой улыбкой на губах, пока какой-нибудь звук или бабушкин голос не вернут меня к реальности. Ты смеёшься? Часто звонит телефон, а когда беру трубку – там играет музыка. Думаю, это Вовочкины приятели развлекаются. Я как-то раз сходила с ним на тренировку по каратэ, посмотреть, и вот с тех пор началось. А когда прохожу мимо них на улице, шепчут вслед: «Сестра С-а пошла».

Знаешь, Люд, я за работу не волнуюсь, я чувствую – даже несколько странно! – абсолютную уверенность, что всё уладится, но я обнаружила, что мои главные цели, ради которых я приехала в Киев – работа, учёба, творчество – отодвинулись куда-то на второй план, а впереди – он. Я шагу не могу ступить, чтобы не погадать. Понимаешь, Люд, когда я поняла, что Кидан – тот, кого я ждала и о ком мне говорила баба Таня, меня начало пугать это «если».

Мне на днях приснился сон: иду, а навстречу – цыгане, цыганка посмотрела мою руку и говорит: «Ну, у тебя всё хорошо». Я возмутилась: «Вы хорошенько посмотрите и скажите толком». Она ещё раз взяла мою руку, присмотрелась и как-то странно взглянула на меня: «Первый раз такое вижу! У тебя есть две дороги – одна главная, очень ясная – твоя судьба, но если ты пойдёшь по ней, ты будешь несчастна. А другая – боковая, еле заметная, но если свернёшь на неё, тебя ждёт счастье». Она расхохоталась и убежала, оставив меня в полном недоумении.

Так и наяву.

Я влетаю в любовь, как в бездонную пропасть. «Вам надо разойтись. Ты ведь знаешь, что вместе вам не быть...» Ты права, надо остановиться, но... Я всё говорю и говорю с ним об этом в моих мыслях, от которых болит голова.

Днём, когда Костик возвращается из школы, я отправляюсь бродить по Киеву, открывая для себя всё новые и новые чудесные уголки. Но ты знаешь, моя дорогая, меня мучительно, точно гигантским магнитом притягивает в одно и то же место.

Догадываешься куда?

Повсюду были слышны песенки «Ласкового мая» – из раскрытых окон домов и из проезжающих мимо машин, в кафе и подземных переходах – в воздухе, на земле и под землёй. Надя тоже раздобыла себе кассету и заслушивалась ею, напевая целый день то «белые розы, белые розы», то «ветер холодной зимы, вечер – и вновь вместе мы», ничуть не смущаясь насмешливыми замечаниями братьев, которые были поклонниками совсем иного стиля. Они не понимали, что музыка только фон для её мечтаний и грёз наяву.

В субботу, отправляясь на свидание, она взяла кассету с собой.

Кидан встречал её вместе с каким-то парнем. Маленький, с быстрыми глазками, он почему-то сразу не понравился Наде. Она забыла дома пропуск, поэтому быстро проскочила мимо дежурного, оставив Кидана разбираться. Она остановилась у окна между этажами и слышала доносящийся снизу его голос – недовольный, что-то доказывающий. Этот парень тоже подошёл.

– Пойдёмте, он сейчас придёт.

Она не тронулась с места, точно не слышала.

Кидан, оказавшись рядом, обнял парня за плечи и пошёл с ним вместе по коридору, разговаривая. И у Нади вдруг появилось искушение: повернуться и убежать, пусть поищет. Точно почувствовав ход её мыслей, Кидан обернулся...

В комнату они вошли вдвоём, а парень отправился дальше по коридору.

Надя протянула Кидану свою кассету, и когда зазвучала знакомая музыка, она радостно заулыбалась и начала подпевать. На ней был белый свитер и коричневый комбинезон – весь на кнопках. Кидан любовался ею и одновременно прикидывал: как же всё это снимается?

Они танцевали, обнявшись, но не прошло и минуты, как он часто задышал и шагнул к кровати.

– Ну, ты сразу падаешь! – упрекнула она.

– Да, сразу. Я горячий, а ты холёдная, да?

Она не ответила. Отстранилась и – точно обдала ушатом холодной воды:

– Мне надо выйти на минутку.

– Зачем ты берёшь сумочку с собой? – заволновался он.

...Возвращаясь, Надя обнаружила, что не знает номера комнаты. Она толкнула одну дверь наугад, но та оказалась закрытой. Из другой комнаты рядом слышался гул нестройных голосов; в соседней работал телевизор; заглянув ещё в одну, Надя тут же выскочила назад под взрывы смеха... Она в растерянности остановилась посреди длинного коридора, не зная, что же теперь предпринять. В это время одна из дверей отворилась, и Кидан с озабоченным видом выглянул наружу. Надя устремилась к нему.

– А я потерялась! – радостно сообщила она, но тут же смешалась под его тяжёлым взглядом – Кидан пропустил её вперёд и запер дверь.

Он улёгся на кровать, привлёк Надю к себе, но лицо его всё ещё оставалось недовольным. А Надя распевала вместе с «Ласковым маем»:

– Я так хотел нарвать весны букет и подарить единственной тебе, единственной тебе, единственной тебе...

– Единственной мне? – переспросил Кидан простодушно. – Нет, я не верю.

Надя засмеялась, а он вдруг сказал, прищурившись:

– Я так наблюдаю, ты несерьёзная. Да, ты несерьёзная.

– Конечно, несерьёзная, – беззаботно отозвалась она. – Если бы я была серьёзная, я бы с тобой сюда не пришла.

– Именно со мной? – вдруг разъярился он. – Давай, я познакомлю тебя с другим, с советским! – он так разгорячился, что даже больно схватил её за руку – точно знакомство должно было состояться прямо сейчас. Но Надя высвободилась и произнесла обиженно:

– Не надо мне, со мной и так по сто раз в день...

– Сто раз в день? Давай познакомлю! Надя! Ты же не маленькая. Вышла из комнаты – номер не знаешь!

– Я близорукая, плохо ви...

– А как ты пришла? Ты не оставила пропуск! Если би дежурный не постеснялся, он должен бил вернуть тебя. Хорошо, что они все меня знают. Мне било стыдно!

Он говорил, говорил, и вдруг заметил, что она давно уже не возражает, не оправдывается, а на глаза навернулись слёзы, вот-вот польются ручьём. Довольный эффектом воспитательной беседы, он смягчился:

– Надя, не плачь. Я не затем тебе говорю, чтобы ты плакала... Ти же совсем меня не знаешь!

– Да, совсем не знаю, – подтвердила она, всхлипывая.

– Во-от, это что би ти не думала, что я такой... легкомисленный.

Он прижал её к себе, руки проникли под одежду...

– Давай сегодня не будем, – попросила она, и Кидан снова вскипел:

– Чего «не будем»? Я же тебе ещё ничего не сказал! Это ти дома так решила?

Он сел и смотрел на неё искоса долгим пристальным взглядом – как она лежит, откинувшись на подушку, – и неодобрительно качал головой.

Я чувствую себя довольно глупо – опять всё не так. Ну, что мне делать, если я действительно «дома так решила». Если я скажу тебе позже, тебя уже не остановить, заявишь: «Ти что, ненормальная?» А может, ты, в самом деле, не думал об этом, и я тебя обидела? И как мешает мне яркий свет и зачем-то работающий телевизор.

Ты кажешься совсем простой, но я знаю, что это не так. Хуже всего, что я теряю над собой контроль. Последнее время что-то со мной происходит... Что-то тревожит меня... Я стал плохо спать по ночам. И всё это – ты.

– Выключи телевизор.

Её голос неожиданно ворвался в ткань его размышлений.

– И свет.

Он не шелохнулся, только смотрел и смотрел – как будто она в чём-то перед ним провинилась. На лбу собрались уже знакомые ей гневные складки. И вдруг заявил:

– Тебя нельзя любить.

– Почему?

– Да. Тебя нельзя любить.

– Но почему? Почему? – спрашивала она, вся встрепенувшись, весьма обрадованная тем, что слышит заветное слово, пусть даже и в таком контексте.

– Ти заставляешь мучиться человека.

Но к его удивлению по её лицу пробежала волна удовольствия.

Ты меня поражаешь! Ты как будто читаешь в моей душе!.. Так я тебя мучаю? А как иначе я могу узнать твои чувства?

Кидан долго старался – и всё напрасно. Она ничего не хотела, только капризничала:

– Выключи свет!.. включи музыку!.. Выключи телевизор, ну, выключи!

Вконец измучавшись, он выпустил её, откинулся на подушку и с мрачным видом уставился в телевизор.

Надя обошла комнату, вернулась, присела на краешек кровати и спросила тихо, как провинившийся ребёнок:

– Ты обиделся?

– Что?... Нет, – Кидан обернулся к ней и сказал очень мягко: – Надя, я не животное. Я тоже не всегда хочу. Может быть так, что ти хочешь, а я – нет.

– А я – животное?

– Нет, я так не говорил.

– Вот я и не хочу.

Но в знак благодарности за то, что он понял её, не сердился и не настаивал, Надя слегка коснулась губами его щеки. Нежная, гладко выбритая кожа, чистая и упругая, пахла свежестью... Она уже узнавала его запах. Он её манил. И вот она коснулась его щеки во второй раз – чуть ближе к губам, потом провела губами по пушистым усам и, чуть улыбнувшись, осторожно поцеловала в губы.

– Тебе нельзя верить, – прошептал он. – Ты меняешься... Как ты меня целовала! – он прищёлкнул языком, полуприкрыв глаза. Надя улыбнулась – и завладела его губами с такой силой, что у него мгновенно вскипела кровь, и комната куда-то поплыла... Пару минут спустя Кидан вскочил, выключил свет, телевизор и бегом вернулся к ней. От её поцелуев он нагрелся, как утюг, его руки нетерпеливо стаскивали, сбрасывали её одежду – всю, до последней нитки, затем он также быстро разделся сам, и вот, когда его обнажённое тело впервые приникло к её телу, он, утопая в блаженстве, вдруг ощутил слёзы на её лице.

– Надя, что случилось? – его голос прозвучал с неподдельной тревогой.

– Ты никогда ничего мне не скажешь...

– Тебе нужны слова?... Словам не надо верить.

– Когда я к тебе прихожу, ты даже не радуешься!

– Я радуюсь! Когда ты приходишь, ты сразу меняешь мою настроенность, а ты этого даже не замечаешь, да?

Она всё продолжала всхлипывать.

– Ты меня не любишь!

– Надечка, это чувство... Ты мне нравишься, и я могу тебя любить, но нужно время...

Его слова перемежались поцелуями, от раскалённого тела исходил жар и какие-то иные токи, пронизывающие её насквозь, до сладкой дрожи. Сомнения и страхи её улеглись.

– Тебе так подходит, эре?

– Да!.. Да!.. – шептала она в такт его движениям, а тонкие руки обхватили его с неожиданной и властной силой.

– Моя маленькая! Моя маленькая!

Надя открыла глаза: прямо над ней из темноты выступало его лицо...

Никогда я не забуду твоих глаз и твоей улыбки в эту минуту – умных, нежных, всё понимающих, снисходительных, счастливых глаз мужчины, который сумел разбудить огонь страсти в своей неопытной возлюбленной.

...его лицо – и выражение этого лица поразило её: в его умных пронизательных глазах, светящихся бесконечной нежностью и счастьем, ей почудилось что-то сверхчеловеческое. Он смотрел на неё, как смотрит мудрый учитель на свою маленькую ученицу, когда ей нетвёрдой рукой удаётся, наконец, вывести первую букву.

Потом долго лежал, прижавшись лицом к её животу и коленям...

Что ты сделала? Я не могу пошевелиться! Не могу и не хочу... Мне нравится твой запах! Здесь, внизу, тайный твой запах, идущий из недр твоего существа.

– Надечка, можно один раз так?

– Нет!

– Немножко.

– Нет.

– Чуть-чуть. Мы считаем – один, два, три – и всё. Пожалуйста, Надечка, один раз...

И когда, не слыша больше возражений, он сделал так, оба едва не потеряли сознание.

Несколько минут после пережитого шока в комнате царил молчание. Кидан первый произнёс:

– С тобой я устаю... Видишь, как я сильно... Я никогда не устаю! – и тут же умолк, спохватившись. Незавершённая фраза повисла в воздухе, но она молчала – ни о чём не спросила, не пожелала разъяснений. Казалось, она не совсем ещё пришла в себя.

– Первый её любовник и зовут его Куля, – улыбнулся Кидан.

Он сам не понимал, как и когда это произошло, но он снова хотел её и вошёл так стремительно, что она не успела даже удивиться.

Она больше не чувствовала ни боли, ни желания сопротивляться – нет, всё, что они сейчас делали, было прекрасно. «Теперь я понимаю...» – подумала она, так же, как и он, не закончив своей и без того ясной мысли. И снова, как много – о, как много! – дней назад прозвучал его вопрос, по интонации больше похожий на утверждение:

– Твоё тело подходит к мне?

– Да? Подходит?

– Я тебя спрашиваю!

– Я не знаю...

– Если бы не так, да, если бы не подходило, мы бы сейчас так не касались! – и добавил шёпотом, с неподражаемо милой улыбкой, обозначившей ямочки на щеках: – Белим всегда подходит чёрный.

Он сел, меняя кассету в магнитофоне, но его взгляд – через плечо – был прикован к ней, как она сидела, зажав ладони между коленями, прикрыв руками грудь... Ему приходилось видеть роскошных женщин с куда более обильной плотью, но почему-то именно это хрупкое создание казалось ему восхитительным и совершенным...

Почему? И сейчас, и когда ты уйдёшь, и ещё много-много времени после я буду думать об этом, пытаюсь разрешить неразрешимую загадку: почему? Я не могу отвезти от тебя глаз. У меня странное чувство, очень-очень странное чувство по отношению к тебе: как будто Господь в глубине сердца узрел мою мечту, вывел её во вне и облёк плотью, и вот – ты передо мной. Мне всё в тебе мило, меня пленяет каждый изгиб, каждая выпуклость твоего тела. Не прячься! Я хочу тебя видеть!

– Скромная, – проговорил он с улыбкой, точно в этом было что-то забавное. Потом во внезапном порыве встряхнул, рывком поднял её на ноги, поставил перед собой на кровати, любуясь, – и вдруг упал перед ней на колени.

– Ты – чуди!

– Кто?

– Чу-да... да? Так правильно?... Надечка, если бы все твои действия были как твои слова, ты бы никогда, ни с кем... – и смеялся, довольный своей победой.

В дверь в который уже раз тихо, но настойчиво постучали.

– Почему ты не открываешь?

– Ты хочешь?

Они оделись, заправили постель, Кидан подошёл к двери, открыл, переговорил с кем-то в полголоса, а потом вышел. Надя протанцевала, кружась по комнате, и остановилась, как вкопанная – в дверь осторожно, боком вошёл тот самый не понравившийся ей парень и двинулся к ней.

– Что вы тут делаете? Танцуете?

Надя растерялась, не зная, что и думать, а он тем временем подошёл совсем близко, точно собирался с ней потанцевать.

– Я уже... – только и успела выговорить она – он накинута на неё, как сумасшедший, осыпая поцелуями. Девушка отскочила и в страхе двинулась к двери с другой стороны стола – так, чтобы он не сумел её перехватить, – и не спускала с него испуганных глаз. Однако он первый добрался до двери, и выскользнул вон, как уж, сказав:

– Он сейчас придёт.

Дверь за ним закрылась, а Надя тотчас же бросилась к шкафу, сорвала с вешалки свою куртку и начала торопливо одеваться. Сердце колотилось от пережитого потрясения, в

голове рождались жуткие мысли: «Специально ушёл, чтобы этот! Фу, гадость какая! Нет, не может быть!! Тогда что? Проверяет? Специально подстроил мне ловушку?» Она была так занята своими размышлениями, что не заметила, как вернулся Кидан, и вздрогнула от его близко прозвучавшего голоса:

– Кто разрешил тебе одеться? – и тут он увидел, что всё лицо её залито слезами, а губы дрожат, не в силах произнести слово. – Что случилось?

– Вот, значит, как ты говоришь обо мне своим друзьям!

– Не трогай моих друзей! – воскликнул он запальчиво.

– А путь твои друзья меня не трогают! – так же воскликнула она. В этот миг глаза его чудесно сверкнули. Потом спросил озабочено:

– Скажи, что случилось? Когда я уходил, всё было... Он что – бил здесь без меня?

– Да, ты ушёл, а он зашёл...

– Что он сделал?

Она открывала и закрывала рот, но никак не могла произнести.

– Ува! Что можно сделать за этот время!

– Спроси у него сам!

Кидану удалось её успокоить, но больше остаться она не захотела. Они вышли.

Было совсем темно и довольно безлюдно. Он проводил её на автобус и тут, когда пришло время расставаться, спросил жалобно:

– Почему ты никогда не целуешь меня на прощанье?

Она взглянула удивлённо («И я хотела бы спросить тебя о том же!»), ничего не сказала, только молча чмокнула в щёку. И от этого небрежного холодного поцелуя у него защемило сердце – уж лучше бы не просил, лучше бы ждал, пока она сама захочет это сделать...

V

Как-то в одно из первых свиданий ты спросил: «Ты знаешь английский?» Я ответила: «Немножко. Учила в школе, но у нас, знаешь, как учат – только читать умею», а ты сказал: «Учи английский, ладно?» И с тех пор уже несколько раз повторяешь: «Учи английский! Учи!.. Миссис Надя». Почему «миссис»? Что ты хочешь этим сказать?

Вчера я устала от твоей страстности, мне хотелось домой, но, расставшись с тобой, и особенно сегодня я начинаю скучать, я жалею, что была такой вялой, ни о чём тебя ни спросила и не сказала того, что хотела бы сказать, что была холодной и сдержанной – меня тянет к тебе вновь, всё сильнее и сильнее – хоть бы ты позвонил! Но звонить ты должен только завтра. Волей-неволей я должна сдерживать свои порывы, но если бы ты знал, как я жду твоего звонка – точно от этого звонка зависит вся моя жизнь! Только бы ты позвал меня – сейчас, пока я сама хочу и стремлюсь к тебе. Но боюсь, ты опять скажешь: «Завтра» или «Послезавтра». Мне хочется кричать, плакать, требовать, но вместо этого я опять должна себя сдерживать, душить свои чувства – ведь надо как-то продержаться день или два... И потом, к началу следующей встречи, я укрою себя до того, что снова не смогу сказать тебе ни слова, а уж тем более – отвечать на твои ласки. И ты даже не догадываешься, как я хочу этой встречи и чего мне стоит дожить до неё. Ах, Кидан!

– Алло!.. Алло!! Кидан, ну, почему ты молчишь?!

– Я хочу, чтобы ты сказала: «Это ты?»

– А откуда я знаю, что «это ты»? У меня много друзей, – заявила Надя, и его голос, прозвучавший в ответ, сразу переменялся, точно он получил удар ниже пояса:

– Когда мы встретимся?

Молчание.

– В субботу?

Теперь то же самое случилось и с её голосом – точно железная рука сдавила горло, стало трудно дышать, – ей хотелось кричать, умолять; только не так долго! Прошу тебя! Я не вынесу! – но гордость и упрямство взяли верх, и она произнесла со всем возможным безразличием:

– Хорошо, давай.

– В субботу? – переспросил он недоверчиво.

– Угу, – подтвердила она злорадно.

– Или... нет... в субботу мне надо... я забиль... Завтра тебе позвоню, хорошо? Завтра позвоню три часа. Ну, пока.

– Пока.

– Чао.

Работы всё не было. Женя, дальняя родственница тёти Лиды, работавшая на студии, познакомила Надю с начальницей реквизиторного участка Надеждой Петровной – очень милой и обаятельной женщиной, которая каждый раз встречаясь с Надей, – то на курсах, то просто в коридорах студии обнадеживающе улыбалась и обещала позвонить сразу, как только начнутся запуски картин. Время шло, но обещания так и оставались обещаниями. Однако Надя не сомневалась, что всё в конце концов сложится, а пока – печатала очередной сценарий, учила историю и литературу, готовилась к экзаменам и много-много гуляла.

Погода стояла прекрасная – сияющая весна.

В этот год Надя чувствовала небывалый прилив сил и энергии, она не ходила, а летала – в коротенькой юбочке и куртке нараспашку. И как часто ей приходилось ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин и слышать их вопросы:

– Девушка, не подскажите, который час?

– Начало третьего.

– Вы спешите?

– Спешу.

– Девушка, а у вас вечер не свободен?

Она только смеялась над незадачливыми кавалерами, не различая ни возрастов, ни лиц – для неё теперь существовал только ОН, один-единственный в целом мире мужчина, чьи волосы пахнут хной, руки горячи, как огонь, а голос... голос... его необычный завораживающий голос приводил её в трепет – даже по телефону.

Единственный в мире мужчина был ревнив. Небрежно брошенная ею фраза: «У меня много друзей!» лишила его сна и покоя. И вообще что-то с ним происходило непонятное: он всё время спешил – и всегда опаздывал, планировал сделать множество дел – и ничего не успевал, ночами не мог спать, а на лекциях погружался в непреодолимую дремоту – в какое-то сладкое состояние, среднее между сном и бодрствованием, и не слышал ни обращённых к нему вопросов, ни шуточек сокурсников. Из-за того, что немного успевал на занятиях, приходилось больше работать дома – но дома ли, в библиотеке, в академии – он одинаково не властен был над собой и своими мыслями. Но это были не только сладкие грёзы, нет... что-то давно уже мучило его, но он никак не мог ухватить это; оно всплывало вдруг, задетое случайной ассоциацией, и, прежде чем он успевал сказать себе: «Вот!» – снова исчезало.

Так и сейчас – какой-то звон в голове заставил Кидана остановиться – и вот, вместо того, чтобы идти домой, он уже несколько минут стоял у окна, в рассеянности ковыряя пальцем чуть облупившуюся краску. Он всё пытался понять: что, что его тревожит? Что так настойчиво жаждет проявиться – и никак не появляется?... Вдруг вспомнилось без всякой

видимой связи: в детстве он очень любил одну сказку – о дочери ветра и бедном юноше-рыбаке; о девушке со светлой кожей и голубыми глазами...

Глаза... твои глаза... голубые глаза с прозрачными радужками и чёткими, точно требующими чего-то от меня кружками зрачков... как будто видел их раньше...

Напрасно Кидан тёр пальцами переносицу – он так и не мог вспомнить: потому ли запомнилась ему эта сказка, что она напоминала один поразивший в детстве сон, то ли сон приснился потому, что ему полюбилась эта сказка... И снова всплыло само собой, точно со скрипом отворилась массивная старая дверь, которой давно не пользовались: когда ему не исполнилось ещё шести лет, он вдруг заболел – какой-то неизвестно откуда взявшейся загадочной болезнью. Врачи ставили один за другим диагнозы, но, по правде сказать, сами ничего не понимали. А бабушка твердило одно: смерть подошла очень-очень близко, чем повергла в немалое горе отца и мать... Он и впрямь угасал на глазах. Никакие снадобья не помогали – горел, бредил, часто впадал в забытьё... Вот тогда он и увидел её – светлокожую девочку с голубыми глазами, которая шла к нему по воде – да, прямо так и ступала по воде, как Господь Иисус. Мама рассказывала потом, как он вдруг разулыбался, прошептал: «Белая девочка». А к утру был здоров – к немалому удивлению врачей и радости всех родных и знакомых. Эту «белую девочку» его сна бабушка назвала смертью, объявив: «На этот раз она прошла мимо». «Нет, бабушка, она шла прямо ко мне!» – так он сказал или только хотел сказать, потому что с бабушкой спорить не полагалось... С тех пор он никогда не боялся смерти, наоборот, она представлялась ему прекрасной и желанной – белая девочка с голубыми глазами, ступающая по воде... Кажется, она снилась ему не раз, светло согревая душу. Всё в тех снах было по-детски чисто и невинно... А потом... потом она перестала приходить. И он, казалось, забыл... Когда?... Почему?... Вот же, это так живо в его душе и никуда не... чёрная родинка! Да-да! Чёрная родинка! Внезапный страх – и совсем иной образ – обольстительный и пугающий, притягивающий и отталкивающий одновременно. Пожалуй, такой ОНА и показалась ему в первую встречу, сначала, – опытная, обольстительная, коварная, с кошачьей грацией движений, с холодным блеском в серых глазах. Но вот в то мгновение, когда в темноте вдруг раздался её крик...

Кидан весь напрягся, точно вновь переживая те минуты. Сердце бешено колотилось, ему сделалось жарко, даже капельки пота выступили на лбу...

...когда она забилась в его руках, и внезапная боль обожгла лицо и грудь – мгновенный ужас, недоумение и – словно молния сверкнула перед глазами... Что это было? Что?! Её смущение и растерянность? Её кровь? Нет, раньше, раньше... её крик, испуг... нет, раньше, когда я только... О, Боже!

Рука замерла в воздухе. Несколько секунд он смотрел прямо перед собой в абсолютном безмолвии. Он вспомнил.

В тот самый миг, когда он, преодолев преграду, ворвался в её плоть, перед ним точно молния сверкнула, и ему вдруг показалось, что он сжимает в объятиях прекрасную девочку своих невинных детских снов. Но в этой мысли было столько боли!.. «Нельзя, – подумал он, – чтобы тебя так предали. Ты была такой чистой и доверчивой, и лёгкой – легче воды... Мы играли, мы смеялись и танцевали, и рой сверкающих брызг летел на нас со всех сторон. Ты пела... солнце и ветер, волны и птицы были нашими друзьями в этих чудесных снах... Я до сих пор слышу твой смех и плеск воды. Нет! Пусть так и останется!.. Нет. Я не посмел бы... Это не ты!»

И усилием воли стряхнув с себя печаль и задумчивость вместе с обрывками далёких воспоминаний, он зашагал по пустому коридору, навстречу своей судьбе, полунасмешливо-полусерьёзно бурча себе под нос: «Ну, и хитрость! С тобой надо быть начеку! Недаром меня предупреждали». Обольстительная и коварная – так ему больше нравилось.

И он снова с лёгкостью забыл то, о чём с таким трудом вспоминал много-много дней.

V

– Алло-у!

– Привет! Сегодня ты позвонил ровно в три. Молодец!

– Ты тоже молодца!.. Надя, жду тебя четыре часа конечная остановка семнадцатый автобус.

«Жду тебя!» Как приятно! Но немного изучив его повадки, Надя не ожидала встречи в этот день и не была готова – теперь всё надо было делать быстро-быстро, а времени оставалось катастрофически мало... И она, как любая женщина, предпочла опоздать, но не являться к своему избраннику неизвестно в каком виде.

Но когда она, вся цветущая и благоухающая, добралась, наконец, до автовокзала, было уже без двадцати пять. Тщетно всматривалась она в мелькавшие мимо лица... Вдруг в двух шагах от неё затормозило такси, и Кидан, выскочив из него, бросился ей на встречу, растроганный и счастливый.

– Надя! Ты давно меня ждёшь?

– Нет, я опоздала. Я только что пришла.

– О! Как хорошо, что ты опоздала. Ты перепутала, я ждал тебя Большевик, потом – тебя нет, я так и подумал! Я брал такси... Как хорошо, что ты опоздала!.. Почему ты опоздала?

Он был такой смешной – весёлый, взбудораженный, счастливый, говорил непривычно много и быстро.

В автобусе Надя сидела, а Кидан стоял напротив и всё смотрел, смотрел и улыбался. А когда добрались до общежития Менгисту, и Надя, не дожидаясь лифта, первая побежала по лестнице, он догонял, стараясь ущипнуть. Никогда ещё Надя не видела его таким весёлым. Но её настроение было совсем иным, и когда, закрывшись в комнате, Кидан попытался привлечь её к себе, он встретил резкий отпор.

– Надя! Почему?

– А почему, интересно, ты не хотел меня видеть целую неделю? Ты сказал: в субботу! Ничего себе! Если бы ты меня любил, ты бы не мог не видеть меня так долго!

Кидан весело рассмеялся и принялся расстегивать пуговицы на её рубашке, но Надя оттолкнула его руки.

– Не трогай меня! Не хочу!.. Откуда я знаю, сколько у тебя подружек!

– Тси! Ха-ха-ха! – его веселью не было предела. – Мне и тебя хватает!

– Да, а кто у тебя был раньше?

– Никого, – ответил он проникновенно, однако быстро отвёл глаза.

– Да-да, конечно, так я тебе и поверила!

– Надя, ты хочешь ссориться? Что я – опоздал к тебе или что-то... Я же на тебя не сержусь, хотя ты мне сказала по телефону: у меня много друзей.

– Ну и что? Это просто знакомые ребята, Сашкины и Вовкины друзья, они звонят целый день... Не трогай меня!

– Надечка, другим не разрешай. Мне – разрешай. У меня есть на тебя право!

Он произнёс это так уверенно, что Надя на миг растерялась и уставилась на него в удивлении.

– Да, у меня есть на тебя право, подписанное тобой!

– Какое ещё право?

– Да. Хочешь, я тебе покажу?

Она не понимала: о чём он? Ей вдруг представился какой-то важный документ с печатью, и она быстро воскликнула:

– Нет! – и пожалела. Было всё же очень любопытно – о чём это он?

– Надя, пожалуйста, снимай это. Это синтетика, там – чистый хлопок. Пусть будет только это... Надя, я порву!

Судя по выражению его лица, он намерен был осуществить свою угрозу. Но она ни за что не желала уступать. «Не хочу, значит, не хочу! С какой стати?!»

Несколько минут они боролись. Его лицо сделалось злым.

– А! Надоела ти мне! – воскликнул он, вскакивая с кровати. Оба были взъерошенные, растрёпанные и тяжело дышали. Но на минуту перехватив её взгляд, Кидан заметил в нём явное торжество.

Они вышли. Менгисту, как неприкаянный, бродил в холле, там же, где и час назад, когда они поднимались в его комнату. Он взглянул на Кидана, на Надю и вышел вместе с ними на улицу – проводить. Кидан был одним из самых близких его друзей, они знали друг друга с детства и часто понимали друг друга без слов. Друзья негромко о чём-то переговорили, и Кидан повернулся к Наде:

– Он спрашивает: почему так быстро уходите? Я говорю: потому что она меня не любит.

– Совсем не так! Почему надо сидеть в комнате? Сегодня хорошая погода. Я хочу гулять!

– Куда можна гулять? – пробурчал Кидан, но Менгисту неожиданно поддержал Надю:

– Да, погода очень хорошая, сегодня хорошо можно гулять. Здесь рядом есть красивый парк...

Он проводил их ещё немного и попрощался, пожав руки обоим.

– Не хочу с тобой разговаривать! – заявил Кидан, как только они остались одни.

– Ну, и пожалуйста! Всё равно ты меня не любишь!

– Ты сама ничего не сделала, чтобы я тебя любил!.. В субботу, примерно, – произнёс он выразительно, и на лице его зажглась улыбка, – мне било очень приятно. Ува! Никогда не хочешь! Соглашаешься только, чтобы мне не било плёхо. Если ти так, то лучше...

– Что «лучше»?

Он сразу сбавил тон и произнёс умоляюще:

– Только не так сразу.

Надя шагнула от него в сторону, точно намереваясь уйти, но он схватил её за руку и притянул к себе, страстно целуя.

– Тебе свободно здесь?

– Да.

– А мне не свободно! Я хочу тебя обнимать, целёвать. На улице я не могу. Твои люди увидят, что ти с таким чёрным целуешься, они тебя убьют... Маленькая... не понимаешь! Это хорошо, что ти правильно относишься, у тебя свободный взгляд, я тебя за это уважаю, но не все люди так...

Он неожиданно разговорился, обещал, что в следующий раз они обязательно будут много гулять, сходят на ВДНХа.

– Сегодня мне надо быстро-быстро общежитие, надо менять бельё.

– Можно я поеду с тобой до автовокзала?

Опять ты меня удивляешь! Почему тебе вдруг понадобилось меня провожать?

В автобусе, крепко сжимая её руку и ощущая ответное пожатие, он всё размышлял над этим: почему сначала ничего не хотела, спешила уйти, а теперь сама едет с ним в такую даль? Почему?

– Надя, ти скучаешь дома?

– Как?... По родителям?

– Нет.

– По тебе?

– Нет! – и он тряхнул головой, точно сама эта мысль казалась ему невозможной, а между тем ей так хотелось подтвердить: да, да! Я очень скучаю по тебе! Я не могу не видеть тебя несколько дней подряд! Но он добивается чего-то другого.

– А! Ты думаешь, что мне нечего делать? Ну, да! Мне дома очень весело, я всё время со своими братьями. Разве они дадут скучать? А когда никого нет дома, у меня тоже много дел: надо готовиться к экзаменам и ещё я пишу... печатаю на машинке...

Они всё время разговаривали, прижавшись друг к другу, не разжимая сплетённых рук, – и дорога показалась удивительно короткой.

Уже стемнело. Воздух посвежел, напоминая о недавней зиме. Ярko горели огоньки светофоров. Надя быстро побежала через дорогу – только пятки засверкали. Ничего подобного не ожидавший Кидан, бросился вдогонку, крича: «Спортсменка!»

Им опять было весело. Надя вприпрыжку шагала через сквер, чуть впереди, задом наперёд и объясняла:

– Ты всё сам решаешь! Всё время командуешь!

– Нет!.. Я за демократия. Когда всё, как один хочет, это диктатура, это плёхо!

– За демократию – ты?! – рассмеялась она, но неожиданно остановилась и положила обе руки ладонями ему на грудь. – Кидан, давай видеться чаще! Или хотя бы чаще звони! А то я один день думаю о тебе, а на второй начинаю забывать.

– О-ё! На второй день?! Тогда ты совсем не так относишься. Я тебя никогда не забуду до конца жизни! – эти слова вырвались сами собой, прежде чем он успел что-либо обдумать, – и теперь он улыбнулся смущённо, точно раскаиваясь.

– Ага, до конца жизни! Сам говорил: «Словам не надо верить!»! И я не верю.

А он смотрел на неё и не понимал, чего ему больше хочется: плакать или смеяться.

Как перемешано, переплетено в тебе – женщина и ребёнок. Временами я просто не могу относиться к тебе всерьёз, но не всерьёз – тоже не могу. Надя, что это? Я не понимаю. Даже когда я просто смотрю на тебя, комок подступает к горлу, мне трудно дышать... Может быть, я боюсь чего-то, не знаю. Может быть, это всё глупости, бабушкины сказки, как говорят у вас. Скажи мне, успокой меня! Иногда мне так хочется рассказать тебе всё. Если бы я мог тебе доверять! С самого начала, ещё до того, как я впервые заглянул в твои глаза, это стояло между нами. Ты веришь в судьбу? Я тону, понимаешь? Я теряю голову, но не могу крикнуть тебе: «Помоги!» Врагов не просят о пощаде. Ты – враг? Невозможно поверить. Но ты стоишь у меня на пути, ты увлекаешь меня за собой, ты обладаешь мною так, что я уже не принадлежу себе. Вот это – опасно. Я ищу ответа. Почему-то все те, что я знал раньше, здесь не походят. Я не понимаю тебя, не понимаю себя, я ничего не понимаю! Мои мысли о тебе – лабиринт, из которого нет выхода. И я... я боюсь тебя потерять. Почему-то мне кажется, ты только ждёшь удобного момента, чтобы сбежать от меня. Но ведь этого не может быть?!

V

В эту ночь, как и в любую другую ночь за последнее время, Кидан засыпал с трудом. То ему казалось, что в комнате слишком жарко, а когда немного приоткрыл форточку, то к обычному вечернему гомону внутри общежития прибавились ещё звуки с улицы – то музыка, то сигналы машин, то крики запоздалых гуляк. А когда, наконец, всё утихло, началась гроза...

Потоки воды обрушивались с неба с такой силой, точно начался всемирный потоп. Вспышки молнии озаряли комнату неестественным светом, отчего она выглядела иной – одни стены точно раздвинулись, другие сузились, вся мебель была переставлена. И он был один. Недоумевая, желая разобраться, он встал – и оказался на улице, под дождём, на холод-

ном ветру. А рядом была она. Нет, не рядом, – она шла впереди, не оглядываясь, даже не замечая его присутствия, а ему необходимо было догнать и удержать её, удержать во что бы то ни стало. Он хотел бежать, но ноги не слушались, точно ватные. Хотел закричать, но не мог произнести ни звука. Новая вспышка молнии, и раскат грома потряс основания близлежащих домов и – о, ужас! – надвое расколол пространство между ними: он оказался по одну, а она по другую сторону непреодолимой, хотя и невидимой, преграды. От переживаемой боли он едва мог дышать, как будто молния попала прямо в сердце. Сознание меркло, последнее, что он видел, было её бледное, точно пятно, лицо, омываемое потоками дождя, её мокрые волосы- прекрасная, точно русалка, и недостижимая – отныне... Где-то забили барабаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.